

Месть сыновей викинга

Автор:

Лассе Хольм

Месть сыновей викинга

Лассе Хольм

Легенды викингов

866 год. На побережье Северной Англии высаживаются викинги и сжигают дотла деревню, одновременно спасая молодого человека, которого в этот день ждала смертная казнь. Его захватчики освобождают, нарекают Рольфом, и он становится их проводником в землях вокруг, так как ненавидит местных жителей сильнее многих. Воины с севера приплыли сюда не грабить и не воевать. Они приплыли мстить и не уйдут просто так. Их миссия перерастает в полномасштабное вторжение, но и сам Рольф таит немало секретов, которыми не хотел бы делиться с новыми союзниками. Только, возможно, ярость захватчиков направлена не на тех, и чтобы найти истинных виновников развязавшейся резни, понадобятся не сила, а ум и хитрость. Так начинается масштабная историческая сага, повествующая о сыновьях легендарного Рагнара Лодброка, которые не остановятся ни перед чем, чтобы отомстить убийцам своего отца.

Лассе Хольм

Месть сыновей викинга

© Lasse Holm & JP/Politikens Hus A/S 2017 in agreement with Politiken Literary Agency

© Вера Жиганова, перевод, 2019

* * *

* * *

Действующие лица:

Альтон – кузнец в деревне Тевринтон, отец Беллы.

Белла – самая красивая девушка в Тевринтоне, дочь Альтона.

Бьёрн Железнобокий – старший сын Рагнара Лодброка, приемный отец Хастейна.

Браги Боддасон – прославленный мастер скальдической поэзии.

Эгберт – караульщик в епископстве Йорвика.

Эльдрид – глава (бургомистр) Тевринтона.

Хальфдан Витсерк Белый – младший сын Рагнара Лодброка.

Хастейн – приемный сын Бьерна Железнобокого.

Ингрит – мать Рольфа/Вульфа.

Ивар Бескостный – самый хитрый из сыновей Рагнара Лодброка.

Ярвис – послушник монастыря Святого Кутберта.

Крака/Аслауг – вторая жена Рагнара Лодброка.

Лагерта – воительница, мать Бьёрна Железнобокого, бабушка Ильвы.

Мертон – монах и повар в монастыре Святого Кутберта.

Оффа – ныне покойный монах, бывший летописец монастыря святого Кутберта.

Олав Белый – норвежец, король Дублина.

Осберт – бывший король Нортумбрии.

Рольф/Вульф – сын Ингрит, повествователь.

Сельвин – монах-книжник из монастыря Святого Кутберта.

Сигурд Змееглазый – средний сын Рагнара Лодброка, тугодум.

Тора – первая жена Рагнара Лодброка.

Уббе Сын Любовницы – предпоследний сын Рагнара Лодброка.

Вальтеоф – амбициозный монах монастыря святого Кутберта.

Ильва – воительница, внучка Рагнара и Лагерты.

Элла – король Нортумбрии.

Этельберт – аббат монастыря Святого Кутберта.

Пролог

Он дрожал от холода в подземной темнице. Сколько времени он находился здесь, можно было лишь догадываться. Вероятно, счет шел на часы или дни. А может, и на недели. В кромешной тьме он утратил представление о времени.

Пронзительный скрип заставил поднять голову. Желто-оранжевое пламя факела, показавшееся в отверстии высоко наверху, ослепило его. Он потянулся к свету. Чья-то рука поднесла к открывшемуся люку тростниковую корзину и опрокинула ее в яму. На него упало что-то мягкое. Сначала показалось, что это канат – обрезки толстой веревки повисли на руках и плечах. Но вдруг, содрогнувшись от ужаса, он понял, что это змеи. Невольно вскрикнув, скинул с себя перепуганных гадов, которые, едва очутившись на каменном полу, расползлись во все стороны. Тяжело дыша, он осторожно ощупал себя с ног до головы. Ни одна тварь не успела его укусить: толстые кожаные штаны и рубашка защитили тело.

Крышка наверху захлопнулась, и снова воцарилась тьма. Змеи ползали вдоль скругленных стен. Как и он сам, они не могли выбраться из ямы.

Спустя некоторое время петли люка наверху вновь скрипнули. На этот раз он опустил голову, не ожидая от внешнего мира ничего хорошего.

Удивительно, но «качели» опускались вниз и, несколько раз царапнув кривые стены, достигли дна. Он ухватился за деревянное сиденье. Кто-то уже нетерпеливо тянул канат наверх. Медленно, боясь вновь быть обманутым, он пропустил руки в петлю, потянул «качели» к себе, используя собственный вес, и наконец уселся на доску.

Его старания немедленно окупилась. Подошвы оторвались от каменного пола. Мгновение он наслаждался шорохом, предвещавшим свободу. Наконец он очутился в свете факела. Сильные руки схватили его с боков и держали, словно в тисках. Грубо и поспешно они распоросовали кожаную рубаху на куски. Распороли кожаные штаны. Срезали шнурки у башмаков. Он предстал перед двумя наблюдателями абсолютно голым. Несмотря на то что мужчины старались не показывать ему свои лица, он заметил на лбу у одного большую красно-синюю шишку.

Чьи-то руки куда-то тянули его. Он подумал, что сейчас разыграется спланированная драма, ему озвучат вымышленные обвинения и вынесут заранее определенный приговор. Он выслушает все это со стойкостью и презрением. Встретит свою судьбу с высоко поднятой головой. У него уже готов достойный ответ, если спросят, хочет ли он что-нибудь сказать. Он подготовился ко всему. Но не к тому, что его ждало в следующий миг.

Земля разверзлась под ногами. И он рухнул в яму, успев лишь вскрикнуть от изумления. На глубине примерно в половину человеческого роста петля, на которой висели «качели», туго затянулась у него на грудной клетке, остановив свободное падение. Опешив, он повис в воздухе, но вскоре понял, что его бросили обратно в яму. В следующее мгновение он опять стоял на дне, теперь холод каменного пола проникал в тело через босые ступни. Он освободился от веревки и проследил взглядом, как «качели» взмыли вверх. Козырьком приложив ко лбу руку, прикрыл глаза от яркого света факела и удивился, что крышку немедленно не захлопнули.

Силуэт плетеной корзины на миг загородил свет. Корзину наклонили.

Когда змеи вновь посыпались сверху, его охватила паника. Он почувствовал укус в щиколотку. Затем в предплечье. И наконец третий – в бедро.

Он понял: все кончено.

Когда крышка открылась в третий раз, он был почти без сознания. Все тело ныло, укусы саднили, будто под кожей ползали муравьи. Веки настолько сильно опухли, что он едва видел. В отекающей гортани почти не осталось просвета. Он был не в состоянии сдерживать естественные отправления своего организма, вонь от рвоты и экскрементов заставила двух мужчин отойти от ямы подальше. С последним выдохом он изверг проклятие – клятву, которую давно продумал, сидя в темноте.

– Если бы только поросята знали о страданиях старого кабана, тут же бросились бы ему на помощь и затеяли в хлеву битву великую!

Я лично не присутствовал при этих событиях, но слышал о них от третьих лиц. И все-таки я убежден, что именно так погиб Рагнар Лодброк.

И смерть его повлекла за собой крах целого королевства.

Часть первая

Весна 866

1

Ничто не предвещало побоища. Тем тихим утром небо было высоким, синим и ясным, как поверхность недавно застывшего озера. Над полями стелилась полупрозрачная туманная дымка. Невесомый белый полог превратил деревья в причудливые тени богатырей, мягкими волнами укутал низенькие хижины Тевринтона, обнял их обветренные стены и, совершенно неожиданно для второй половины весны, оставил после себя тонкий слой инея на соломенных крышах и плетеных изгородях. Из дымовых отверстий к небу тянулись тонкие столбики. В очагах горел огонь. Люди объединились вокруг источников еды и тепла.

Лишь когда у солнца набралось достаточно сил, чтобы прогнать туман, деревенские жители по одному и небольшими группами потянулись на улицу. Спины взрослых были согнуты тяжким сельским трудом. Большинство детей выглядели затравленными из-за постоянного голода и частых побоев. Я наблюдал за ними сквозь щели между досками в дверях зала, где притаился в молчаливом ожидании. Наклонился вперед и прислонился лбом к твердому дереву. Увидев, что приближается Эльдрид, я выпрямился и сделал глубокий вдох.

Приближаясь ко мне, они веселились. У них явно был радостный повод собраться, и они стремились воспользоваться им в полной мере. Я прищурился

от яркого света. Эльдрид положил теплую руку мне на плечо и кивнул на улицу, где полукругом выстроились жители селения. Тишина, воцарившаяся среди собравшихся, была тягостной.

Наконец одно из лиц смягчилось. Этому примеру последовали еще несколько. Вскоре заулыбались все. Дети раскрепостились, начали смеяться и болтать друг с другом. Несколько мальчишек осмелели настолько, что бросились бегом к невысокому холмику с растущим на вершине большим дубом – это был своего рода центр в неровном кольце сельских построек. Подросткам поручили все для меня подготовить. Чумазные лица сияли от гордости. Один из мальчишек – по имени Холл – взглянул на меня ясными синими глазами из-под грязной челки. Правда, он тут же вновь опустил взгляд, словно удостоился великой чести, которую не заслужил.

Приближался торжественный момент. Эльдрид лично сделал последние приготовления под светло-зеленой листвой мощного дуба, затем обратился к собравшимся с речью. Однако некий звук опередил слова, не успевшие сорваться с его губ. Гортанный многоголосый рев вмиг разрушил утреннее умиротворение.

Жители Тевринтона застыли на месте, как вкопанные. Мужчины, до поры до времени скрывавшиеся в засаде, бросились к низеньким домикам с соломенными крышами и толпе жителей. Лишь когда предводитель чужеземцев, пузатый воин с широкой седой бородой, топором отсек голову первому попавшемуся человеку, толпу охватила паника. Крестьяне пытались сбежать или укрыться, но кольцо воинов вокруг них уже сомкнулось. Бежать было некуда.

Пронзительные крики ужаса смешивались с глухими звуками обрушивающихся направо и налево мечей и боевых топоров. Некоторые жертвы опускались на колени и умоляли оставить их в живых, другие послушно смирялись с судьбой, но все без разбору оказались зарублены. Кровь струилась из ран и пропитывала землю. Я неподвижно стоял и наблюдал, как множество маленьких трагедий сливаются во всеобщую катастрофу.

Холл бросился ко мне в надежде, что я смогу его защитить. Он споткнулся, упал в траву и в ту же секунду попытался вскочить на ноги, но рухнул и испустил дух.

Женщине, которая, как я недавно узнал, приходилась мне теткой, тоже не удалось избежать печальной участи. Воин, заплетенная в косу борода которого была скреплена на концах небольшими косточками, всадил ей в грудь длинный нож. Измученное выражение придавало ее лицу сходство с неживой маской, олицетворяющей боль. Ее молчание поразило меня гораздо сильнее любого крика.

Мы с Эльдридом все еще стояли под дубом. Седобородый предводитель захватчиков, на котором не было ни кожаной одежды, ни кольчуги, пристально взглянул на нас. Его взгляд неторопливо скользил по нашим лицам. Словно подчиняясь тоскливой необходимости, воин прицелился и метнул боевой топор. Звук, с которым оружие угодило прямо в грудную клетку моему соседу, напомнил звук удара по полуму барабану. Застонав, Эльдрид рухнул на землю.

Пока окружающий шум постепенно смолкал, лицо седобородого не выдавало никаких эмоций. На нем был неряшливый шерстяной балахон с короткими рукавами. Кольца из крученого серебра впивались в толстые руки. По краю шлема, вдоль лба, вились две небольшие змейки, сплетающиеся раздвоенными язычками над наносником. Воин остановился в нескольких шагах от меня, широко расставив ноги и заткнув большие пальцы за пояс, поддерживающий толстое брюхо. Глаза его, сверкавшие светло-серыми огоньками из-под кустистых бровей, спокойно изучали веревку с петлей на конце. Веревка свисала с толстой ветки над моей головой и плотно обвивалась вокруг моей шеи. На мгновение он задержал взгляд на моих башмаках из козьей кожи и небольшой бочке, на которой я стоял и которую он мог выбить из-под меня одним ударом.

– Хочешь спасти свою жизнь? – спросил он на языке саксов. – Или предпочитаешь быть повешенным, как хотели твои соплеменники?

С вопроса седобородого воина началось мое путешествие длиною в жизнь, которое превратило меня из одинокого молодого человека, отринутого и покинутого всеми, в сильного и могущественного ярла, обладателя личной дружины из трехсот воинов.

Я побывал в далеких землях. Я видел, как солнце опускается за крыши и шпили Миклагарда[1 - Скандинавское название Константинополя.]. Я прикасался к травам бесконечных российских степей, бродил между высокими норвежскими горами, видел, как вулкан извергает дым и пылающие камни на суровый исландский ландшафт, и командовал тысячами воинов в столь крупных и кровавых схватках, что лишь немногим дано понять их масштаб и жестокость. Я повидал на своем веку гораздо больше, чем остальные. Я не отстаю от императора великого государства франков ни в славе, ни в богатстве. И все же, выводя эти самые строки на закате своей жизни, я знаю, что мне не довелось пережить ничего сильнее радости, которая охватила меня в той бедной деревушке, когда я, стоя на бочке с накинута на шею веревкой, осознал, что моя жизнь спасена в результате невероятной случайности, которая могла произойти исключительно благодаря вмешательству богов. А значит, в тот момент высшие силы были чрезвычайно благосклонны ко мне; ибо северяне, что время от времени разоряли эти земли, никогда не говорили на языке саксов, а также почти не нападали на бедных крестьян и не зарились на их скудные запасы. Их целью всегда являлись монастыри, хранившие за своими стенами серебряные реликвии, и обширные владения олдерменов, изобилующие скотом и провиантом. Вопрос седобородого прозвучал столь же неожиданно, сколь непредсказуемо обрушилась на селение жестокая резня. Я изо всех сил старался, чтобы мой ответ вызвал у него интерес к моей особе.

– Если бы у меня был выбор, я предпочел бы жизнь.

Впервые я заметил в его взгляде какую-то перемену. Он выглядел удивленным.

– Как могло случиться, что ты знаешь наш язык? – поинтересовался он.

– Ответ на ваш вопрос поможет мне спастись?

– Вряд ли, – буркнул воин. – Однако, возможно, тебе поможет спастись знание местности. Ты знаешь город, где проживает ваш король?

Петля по-прежнему обвивала мою шею. Правая нога седобородого поглаживала бочку. Я не затягивал с ответом.

– Мы, саксы, называем его Эофорвик. Конечно, я знаю этот город. В Нортумбрии мне знакома каждая дорожка и тропинка. – Он взглянул на меня с некоторым

сомнением, и я решил приукрасить ответ. – Вообще-то я объездил всю землю англов.

То, что я говорил на его наречии, не убедило седобородого. Быть может, ему было известно, что лишь тэны и олдермены имеют право выезжать за пределы своих владений. Бочка у меня под ногами скрипнула. Петля стиснула шею.

– Монастырь святого Кутберта отсюда гораздо ближе, чем Эофорвик, – продолжал я, опасаясь, что благосклонность богов оказалась недолговечной и уже миновала, как часто бывает. – Это самый богатый монастырь во всей округе. Монахи хранят у себя реликвии из литого серебра. Книжные оклады с вставками из драгоценных камней. Позолоченные кубки с жемчугами.

– Эка невидаль.

Выражение лица седобородого воина оставалось безразличным. Он на секунду задумался, затем обернулся и крикнул:

– Ильва!

К нему подошел широкоплечий викинг, единственный безбородый из всего отряда. Его светлые волосы выбивались из-под шлема свалявшимися клоками.

– Ильва, как обстоят дела с сокровищами в монастыре святого Кутберта?

Известно, что викинги часто носят странные имена, но когда безбородый воин ответил, я выпучил глаза. Его голос оказался светлым и певучим. Это был женский голос.

– Серебряные блюда из монастыря украшают стены зала в моем доме, – сказала она. – Из тамошних кубков я каждую зиму пью медовуху. В серебряном сундуке с красным драгоценным камнем моя мать хранит свою одежду, а перед большим бронзовым зеркалом подолгу сидит по утрам моя сестра, хотя едва ли то, что она в нем видит, способно вызвать у кого-то восхищение. Но какое тебе дело до этих сокровищ?

Отвечая, женщина сняла шлем, обнаружив отсутствие какой бы то ни было красоты. Под шлемом скрывалось грубое и угловатое лицо, изрытые оспинами щеки и мелкие близко посаженные глаза. Под сдавливающей грудную клетку кольчугой не было и намека на женские формы. Да и возраста она была не юного – на вид около двадцати пяти.

– Просто этот деревенский парнишка утверждает, – сказал Седобородый, – что у монахов святого Кутберта еще осталось немало всякого добра, то есть десять лет назад ты вынесла оттуда далеко не все.

Я привлек к себе внимание. Вся шайка стянулась к дубу. Они изумленно разглядывали меня, хотя я выглядел отнюдь не так необычно, как они сами.

Все мужчины носили длинные волосы и бороды. Их одежда и вооружение свидетельствовали о привычке промышлять грабежом. На головах у некоторых были непонятные головные уборы с шишками и отверстиями, другие предпочитали вовсе не покрывать голову, третьи же, как Седобородый и Ильва, красовались в искусно изготовленных шлемах с узорами и защитой для глаз. Оружие у них было таким же разномастным, как и одежда; мозолистые руки удерживали резные железные топоры и копья, соседствующие с вложенными в серебряные ножны тонкими франкскими или ирландскими стальными мечами с крестообразными рукоятями. Если бы эта бравая дружина только что, за пару мгновений, не вырезала население нашей деревушки, их можно было бы принять за труппу странствующих скоморохов.

– Возможно ли, чтобы в монастыре остались сокровища? – усомнилась Ильва, копошась в неряшливой копне светлых волос. Заметив, как я удивился, когда обнаружил среди викингов женщину, она улыбнулась, обнажив ряд крупных кривых зубов.

– У монахов есть секретная крипта, – отвечал я, – где они прячут самые ценные реликвии, оставляя на виду всякую мелочь, чтобы сбить с толку грабителей.

– Было бы недурно проверить, правду ли ты говоришь, – с жадностью заметила женщина.

– Это точно, – прогремел седобородый гигант. – Многие, кроме тебя, хотели бы заполучить эти сокровища. Но перед нами стоит иная задача в этих краях, а

потому будет лучше, если ты и другие любопытные обуздают свои желания и оставят монахов в покое до поры до времени. – Он повысил голос, обращаясь к своим воинам: – Все понятно, парни?

Викинги загудели и решительно закивали. Лишь Ильва осмелилась возразить. Кожаная куртка заскрипела, когда воительница сложила руки на груди. Из-под длинных рукавов на солнце сверкнули серебряные браслеты.

– Если у монахов остались еще какие-то богатства, они по праву принадлежат мне и моим людям, которые напали на монастырь десять лет назад и не забрали все сокровища. Было бы неправильно сейчас делиться с остальными.

Седобородый прищурился и поглядел на широкоплечую женщину.

– Добыча, с которой ты тогда вернулась домой, – чинно прогудел он, – принадлежит тебе, если ты сможешь ее уберечь. То, что ты оставила здесь, в Англии, может достаться любому из нас. Я вынужден напомнить тебе, что ты принесла ту же самую клятву, что и остальные. Если теперь ты намерена нарушить ее, будь готова принять последствия.

В течение некоторого времени Ильва и Седобородый смотрели друг другу в глаза. В его взгляде отражалась уверенность и бескомпромиссность. В ее сквозило сомнение и растерянность. Наконец она взмахнула руками.

– Твое счастье, что я такая благородная, – сказала она. – Другого на моем месте разозлили бы подобные слова, тебя следовало бы вызвать на поединок.

– Значит, твое благородство идет лишь на пользу нам обоим, – парировал он, – ибо поединок часто влечет за собой определенные проблемы для победителя, когда семья проигравшего стремится отомстить. Правда, в твоем случае, по крайней мере, вергельда[2 - Денежная компенсация за убийство свободного человека, выплачиваемая родственникам убитого.] удалось бы избежать.

В это мгновение я ожидал, что Ильва выхватит меч из ножен, но она подавила гнев и сказала:

– Я могла бы позаботиться о пленнике и проследить, чтобы он не сбежал.

– Я понимаю. Однако считаю, что на благо всем нам пойдет, если мы назначим надзирателем кого-нибудь другого. – Не отрывая от нее взгляда, он позвал: – Хастейн, подойди ко мне!

Крик был встречен тишиной. Викинги принялись недоуменно оглядываться.

– Хастейн! – взревел предводитель.

Из низкой двери кузницы выбралась на свет хрупкая фигура. Молодой парень примерно моего возраста одной рукой придерживал штаны, а другой пытался нащупать меч, прислоненный к дверному косяку.

– Хастейн, что ты там делал?

Кожа на лице юноши была гладкая и тонкая. Жиденькая растительность, в основном сконцентрированная на самом краю подбородка, а длинные локоны, выбившиеся из-под шлема на лоб, были соломенного цвета. На секунду он застыл в нерешительности, но затем протянул руку за дверь и вытянул из постройки девушку. Я невольно ахнул, увидев Беллу, дочь деревенского кузнеца Альтона, ее правильное овальное лицо с аккуратненьким носиком, пухлыми губами и большими синими глазами, в обрамлении длинных темных волос. Во время нападения чужеземцев она укрылась в кузнице своего отца. И все же судьба настигла ее.

Седобородый с трудом спустился с холма, остановился в нескольких шагах от несуразной парочки и принялся разглядывать Беллу.

– Девка еще нетронутая? – спросил он.

– Я не знаю. – Плутоватая улыбка скользнула по тонким губам юноши. – Ты ведь не дал мне времени проверить. Но я легко могу заняться этим делом сейчас.

Белла, не понявшая ни единого слова, съежилась, ужаснувшись при виде валявшихся перед ней трупов.

– Ильва, – бросил через плечо седобородый, – у меня и для тебя нашлось дело. Позаботься о девке.

Воительница молча кивнула, подошла ближе и грубо схватила Беллу за изящное запястье. Дружелюбный кивок со стороны Ильвы заставил пленницу подчиниться. Однако женщин остановил Хастейн, вцепившийся во вторую руку Беллы.

– Это я ее нашел, – заявил он, хватаясь свободной рукой за меч. – Она – моя добыча.

Во взгляде Седобородого, адресованном Хастейну, не было и намека на суровость, которая проявилась несколькими минутами ранее в отношении Ильвы. Казалось, мощного толстопузого хёвдинга позабавила строптивость юноши.

– Ну хорошо, – решил он. – Раз ты проявил предприимчивость и догадался обыскать дома, ты вполне заслужил забрать себе обнаруженную добычу. Но если она окажется девственницей, тебе придется довольствоваться малым, и ты прекрасно знаешь почему. А пока я хотел бы поручить тебе другое задание.

Как только конфликт был улажен, Хастейну не терпелось оправдать оказанное ему доверие. Вместе с Седобородым он сквозь толпу воинов проследовал к дубу, под кроной которого я ждал своей участи.

– Судя по всему, он побывал на костре, – заметил парень и указал на ожоги на моих руках, пропитавшуюся потом одежду и волосы, которые топорщились от недавно коснувшихся их языков пламени. – Почему его собирались повесить?

– Их разборки с саксами не играют никакой роли. Он местный и говорит на нашем наречии. Сними его и позаботься о нем.

– Ты можешь на меня положиться, Бьёрн Железнобокий.

Произнесенное имя парализовало меня.

Пока Хастейн снимал петлю с моей шеи, а остальные викинги бесцеремонно извлекали из очагов горящие поленья и швыряли их на соломенные крыши домов, я не спускал глаз с пузатого хёвдинга, который бродил вокруг и руководил разорением.

Если Седобородый – действительно знаменитый Бьёрн Железнобокий, о грабительском походе которого на столицу империи франков, Париж, так много говорили монахи и священники несколькими годами ранее, то жителям Нортумбрии придется туго.

3

При свете яркого полуденного солнца мы покинули Тевринтон, превратившийся в огромный костер, из которого к небу поднимался широкий столб дыма. Помимо коров и быков, викинги забрали с собой лишь меня и Беллу. Трупы местных жителей они оставили на съедение воронам.

Примерно в миле от деревни, на опушке леса, где кончались свежераспаханные коричневые поля, пасся табун лошадей. Викинги выбрали скакунов себе по вкусу и оседлали их. Они никуда не спешили. К счастью для меня, ибо когда мы продолжили путь, я по-прежнему был на ногах – меня привязали за веревку к лошади Хастейна. Колонна наездников вместе с угнанным домашним скотом двигалась медленно. Несмотря на это, мы довольно быстро отстали.

К седлу Хастейна кожаными шнурками были привязаны мои башмаки из козьей кожи, рядом висел его шлем. Я босиком и с большой осторожностью двигался по лесной подстилке, опасаясь наступить на змею, которая могла притаиться в траве.

– А что, прежде чем набросить тебе на шею петлю, саксы пытались сжечь тебя? – полюбопытствовал парень и почесал шею, выбритую, как остриженная овца.

– Твоему вождю неинтересно, что я сделал. Почему ты спрашиваешь? – уклонился я от ответа.

– Бьёрн Железнобокий мне не вождь и не хёвдинг.

– А кто тогда? И почему его называют Железнобоким? Свинобокий было бы уместнее.

Хастейн громко рассмеялся, лихо запрокинув голову.

– Бьёрн Железнобокий не упустит возможности вызвать на поединок, – ответил парень. – Так повелось с тех времен, когда он юношей сокрушил семерых сыновей короля свеев, а сам не получил в бою ни единой царапины. Этому подвигу он обязан своим прозвищем, победить же ему тогда помогло проворство. Теперь его спасает жировая прослойка. Как видишь, на нем нет ни кожаной куртки, ни кольчуги.

Я слушал его рассказ вполуха, так как не выпускал из виду Беллу, которая сидела позади Ильвы, тонкой рукой держась за талию воительницы. Хастейн проследил за моим взглядом.

– Кто эта девка? – спросил он.

– Я не знаю, – соврал я.

– Ты хочешь сказать, что никогда ее не встречал?

– Я не знаю никого из жителей Тевринтона.

Он пожал плечами, словно говорил мне: ври сколько хочешь, мне нет до этого никакого дела.

– А почему Бьёрну Железнобокому так важно знать, девственница она или нет? – поинтересовался я. – Когда прекрасные девушки оказываются в плену у чужеземных воинов, они редко надолго сохраняют девственность.

– Изнасилование – единственное преступление, за совершение которого в нашей стране неминуемо следует смерть, – пояснил он. – За убийство можно откупиться вергельдом, но если завладеть женщиной против ее воли, ее семья ни за что не оставит тебя в покое, пока не удостоверится, что ты лежишь в могиле. А может, не успокоится и тогда.

В Нортумбрии тоже можно было откупиться за убийство, но я решил не прерывать его. Мне было на руку, чтобы он продолжал.

– Твоей подружке удалось избежать неприятностей, несмотря на то что она тощая, как щепка, и черная, как ночь. Наши женщины длинноногие, светловолосые и пышногрудые. Когда нам становится слишком сложно не распускать руки, приходится отправляться в военный поход, чтобы повстречать девушку, которая еще никому не принадлежит. Если ты уродлив, тебе понадобится много денег и даров, чтобы привлечь красотку. У меня-то, конечно, никогда не возникало подобных проблем. Все женщины, которыми мне удалось завладеть до сих пор, позже с улыбкой благодарили меня.

Охваченный непомерным приливом самоуверенности, Хастейн столь органично демонстрировал авторитет, что мне показалось это слегка неуместным для такого юнца. Тогда я еще не знал, что большую часть жизни он провел вдали от земли, которую считал своей родиной, и едва ли знал о женщинах и обычаях того края больше, чем я сам.

– Вы, викинги, славитесь тем, что сразу нападаете, как только заметите добычу, – начал я.

– Викинг, – перебил меня мой собеседник, – морской разбойник. Мы же находимся здесь, в Англии, уже почти год, и за все это время немногие из нас стояли на палубе корабля.

– Тогда кто же вы? Скандинавы?

– Можно, наверное, и так сказать. – Он пожал плечами. – Наши предводители – даны, но среди нас найдутся и норвежцы, и жители Сконе.

– А зачем вам понадобилось нападать на такое бедное селение, как Тевринтон? – спросил я. – Ведь даже у тамошнего рива нет сколь-нибудь серьезной собственности.

– У рива?

Хастейн обернулся в седле и поехал медленнее. Его товарищи ускакали далеко вперед.

– Рив Эльдрид был последним человеком, которого сокрушил Бьёрн Железнобокий, – продолжал я. – Рив – главное лицо в поселении, он отвечает за порядок перед олдерменом. Олдермен несет ответственность перед тэном, выше которого только король.

– Поразительно, что ты мне все это рассказываешь, хотя недавно утверждал, что никого из них не знаешь.

Он был чрезвычайно доволен тем, что смог меня раскусить. Тем временем остальная процессия скрылась за деревьями, и я решил воспользоваться ослабшей бдительностью охранника.

– Твои соплеменники погибли, потому что так распорядился брат Бьёрна, – начал объяснять он. Но продолжить не успел, так как внезапный рывок веревки, натянутой между нами, лишил его равновесия и свалил с лошади.

Он упал на лесную подстилку с глухим стуком. И все же оказался в состоянии хорошенько пнуть меня ногой, когда я набросился на него с кулаками. Застигнутый врасплох, парень толком не смог оказать сопротивления, и я попытался выхватить у него из ножен меч, который оказался дополнительно пристегнут кожаным ремешком. Веревка, стягивающая запястья, затрудняла мои движения.

У меня сохранялся шанс выйти победителем, только если держаться ближе к противнику. Он барабанил руками по ожогам на моей спине. Я задышался и едва не терял сознание от боли. Ножны кинжала, обитые медью, сдавливали мне диафрагму. Наконец я ухватился за оружие. Он тем временем открепил меч и взялся за рукоять. Его самоуверенная улыбка поблекла, когда он почувствовал лезвие кинжала на своей шее. Мы оба притихли, хватая ртом воздух.

– Тебе лучше помолчать и опустить меч, – сказал я. – Тольконими наконец свой ремень.

Он обдумывал варианты своего поведения. Мы лежали слишком близко друг к другу, так что у него не было возможности вынуть меч из ножен. Если вздумает позвать на помощь соратников, я быстро перережу ему горло. Он нехотя ослабил пряжку ремня и положил меч на землю.

– А теперь медленно поднимаемся вместе. Ты берешь с седла мои башмаки и отдаешь их мне.

Моя расстановка приоритетов его удивила. Когда он потянулся за башмаками, шлем свалился и покатился по опавшим листьям.

– Оставь его на земле.

Веревка, которой были связаны мои руки, позволяла мне крепко удерживать парня за его длинную челку и в то же время не отводить от его горла вторую руку с кинжалом. Ему ничего не оставалось, как встать на колени и надеть на меня башмаки.

– Сейчас ложись на живот под этим деревом.

Я подобрал его меч и взял лошадь под уздцы.

– Как жаль, – сказал я на прощание, – что мне не суждено повидаться с братом Бьёрна Железнобокого.

В седле я никогда не чувствовал себя уверенно, но скакун Хастейна был спокойным и покладистым. Я вскочил на его широкую спину и скрылся между деревьями. Окрыленный триумфом, я принялся размышлять, как освободить Беллу. Поэтому никак не ожидал, что мне в затылок полетит шлем Хастейна. На мгновение мир вокруг почернел.

Я опомнился, когда вылетел из седла и упал на землю. Судя по звуку, кто-то стремительно приближался ко мне по лесной подстилке. Мощный удар резко вытолкнул из легких весь воздух, а кулак угодил прямо в нос. Одновременно с болью меня поразило осознание собственной глупости. Не стоило оставлять Хастейна в живых. В то время я еще не был убийцей. «Так и не научился полностью обезвреживать противника, – пронеслось у меня в голове. – А теперь уже не научусь никогда, ибо сейчас мне суждено умереть».

К моему глубокому изумлению, Хастейн не пронзил меня мечом. Даже не ударил и не пнул меня. Он поправил ремень и вложил меч в ножны.

– Благодарю за преподанный мне урок, – сквозь зубы процедил он. – Впредь постараюсь быть осторожнее.

Бьёрн Железнобокий поручил ему следить за мной. Если бы он меня прикончил, это нанесло бы его чести такой же огромный вред, как если бы мне удалось сбежать. Теперь самообладание Хастейна не может не вызывать моего восхищения. Тогда же мне было ясно одно: я по-прежнему нуждался в милости богов.

– Тебе следовало забрать мой шлем, а не свои башмаки, – заметил он, приподнявшись в седле. – Почему они для тебя так важны?

Он кивнул на мои ноги, обутые в башмаки из козьей кожи, и, сдерживая лошадь, ждал ответа.

– Это единственное, что осталось в память о моей матери, – сказал я, вытирая кровь с верхней губы.

Выражение лица Хастейна смягчилось. Он молча кивнул. В его сочувственном взгляде из-под светлой челки отразилась моя скорбь – он потерял обоих родителей в очень юном возрасте.

4

Лагерь скандинавов представлял собой временный форт, возведенный в кольце свежей насыпи на широком плато, коронующем один из холмов, которые возвышались над обширной пустошью. Силуэты заостренных жердей, пронзающих воздух, виднелись на фоне кроваво-красных полос вечернего неба. Мы въехали в ворота.

Лошадей привязали вокруг корыта с водой. Дальше мы шли пешком по дощатому настилу. Подрагивающее пламя костров возносилось к звездам. По краям просторной круглой площади в пределах насыпи открывались ровные ряды сероватых палаток высотой в человеческий рост. Они стояли на приличном расстоянии друг от друга, а с восточной стороны довольно большое

пространство и вовсе пустовало. На первый взгляд создавалось впечатление, что лагерь предназначался для проживания более чем пятисот воинов. Ильява была в нем единственной женщиной. Вокруг костров развернулось какое-то оживленное празднество. Многие воины уже валялись на земле в полубессознательном состоянии, другие орали, ругались или боролись в сумерках.

Когда мы оказались в центре лагеря, где дощатый настил пересекался под прямым углом с точно таким же, Ильява куда-то увела Беллу. Бьёрн Железнобокий и Хастейн понимающе переглянулись. Мой юный соглядатай подвел меня к палатке, над входом в которую скрестились две вырезанные из дерева драконьи головы.

Внутри сидел мужчина, склонившись над тлеющими углями. Он вырезал узор на деревянном посохе. Его одежда была сшита из тончайшего льна желтого и красного цвета, накидка скреплена золотой булавкой. Гладкие темные волосы длиной чуть ли не до середины спины аккуратно сплетены и заколоты жемчужной пряжкой. Пять до блеска отполированных серебряных браслетов блестели на его левой руке, на правой же был надет всего один, но весил он, вероятно, не меньше, чем все остальные, вместе взятые. Браслет был мастерски изготовлен и изображал двух переплетающихся змей с высунутыми раздвоенными языками.

– Мы привели одного из местных, – обратился к нему Хастейн. – Он говорит на нашем языке и владеет полезными для нас сведениями.

Обитатель палатки поднялся и повернулся к нам лицом. Я невольно задержал дыхание, ибо никогда еще не встречал более красивого и харизматичного человека. Он был стройным, мускулистым, на полголовы выше нас с Хастейном. Его черная борода была аккуратно подстрижена. Безукоризненную правильность черт лица подчеркивал единственный шрам, бледной полосой пересекавший лоб от левого века.

– Разве Бьёрн Железнобокий не должен был перебить всех до единого? – Чернобородый с досадой отбросил в сторону посох и воткнул нож в ножны. – Он не имеет права пренебрегать данными ему приказами.

– Этот сакс говорит по-нашему, – возразил Хастейн. – Соплеменники собирались повесить его, но не успели: им помешало наше появление.

– Его должны были повесить? – Чернобородый утратил интерес к непослушанию Бьёрна Железнобокого и спросил у Хастейна, уставившись на меня: – Но за что?

– Я пытался узнать это у мертвецов, но они промолчали.

Это была шутка. Но чернобородый воспринял ее всерьез.

– И как мертвецы должны были тебе ответить? Ведь они мертвые. Лучше бы ты поинтересовался у него самого. Сакс, скажи, почему соплеменники хотели тебя повесить?

Скандинавы ждали моего ответа. Но я крепко стиснул зубы.

– Кажется, ты утверждал, что он знает наш язык? – спросил чернобородый.

– Он не особо распространяется о себе, – объяснил мое молчание Хастейн.

Чернобородый принял к сведению эту информацию. Прошло немного времени.

– И почему же его собирались повесить? – вновь спросил он, словно забыв о прежнем ответе.

– Понятия не имею, – как ни в чем не бывало, сказал Хастейн. – Но Бьёрн Железнобокий рассчитывает, что он может пригодиться нам в качестве провожатого.

– И каким же образом, если он немой?

– Он не немой. Он говорит на нашем языке.

Чернобородый вновь погрузился в размышления.

– А почему саксы хотели его повесить?

Хастейн в очередной раз терпеливо объяснил, что провинность, за которую меня приговорили к наказанию, ему неведома, но Бьёрн Железнобокий расценил, что вряд ли это имеет отношение к моему знанию местности.

– Наверняка он лошадиный вор или просто разбойник, – в конце концов пришел к заключению чернородый. – И, если так, совершенно не разумно оставлять его в живых.

Тут я начал понимать, почему Бьёрн Железнобокий попросил Хастейна объяснить мое присутствие в лагере. Седородый воин не желал тратить много времени на то, чтобы донести до предводителя нехитрое сообщение.

– А если он лошадиный вор или разбойник, – терпеливо отвечал Хастейн, – значит, поможет нам отыскать верховых лошадей и церковное серебро. Кстати, он уже обмолвился кое о каких сокровищах, что хранятся в монастыре, куда он может нас отвести.

– А вдруг это лишь западня?

– Перед тобой простой крестьянский парень. Каким образом он может загнать в ловушку пять сотен вооруженных до зубов воинов?

– Но ведь односельчане по какой-то причине приговорили его к виселице?

– Само собой, на то была причина, но, как ни крути, нам ничего о ней неизвестно.

– То есть ты и впрямь не знаешь, за что его собирались повесить?

Тут я взглянул на Хастейна с нескрываемым недоверием, но он проигнорировал мой взгляд.

– Я действительно не знаю, за что его собирались повесить, – подтвердил он.

Чернородый смерил меня долгим мрачным взглядом.

– Я не собираюсь рисковать, связываясь с подобными типами. Повесь его!

Хастейн прикладывал все силы, чтобы сформулировать вежливый ответ.

– Я думаю, – медленно начал он, – что Бьёрн будет не согласен с таким решением...

– Бьёрну надо учиться делать то, что приказано, – прервал его чернобородый. – Он должен был полностью истребить население деревни, а он почему-то возвращается с этим олухом. Но ярл – это я, и я говорю: повесь этого сакса.

Хастейн ничего не смог возразить на безапелляционный приказ. Я должен был сам спасать свою шкуру.

– Высокочтимый хёвдинг, – приступил я к делу, – как может столь жалкий раб представлять опасность для столь могущественного повелителя? Позволь мне для начала продемонстрировать свою полезность, прежде чем ты примешь решение лишить меня жизни.

Чернобородый в сомнении молча переводил взгляд с меня на Хастейна.

– А ведь он говорит по-нашему.

– И впрямь! – воскликнул Хастейн.

Чернобородый подошел ближе и рассмотрел меня со всех сторон, словно я был хромой лошадей, которую ему пытались подсунуть.

– Знаешь ли ты, сакс, кто я такой? – спросил он наконец.

– Нет, – ответил я, – зато я знаю, что меня зовут Вульф, и что я сын вёльвы. Так что самым умным с твоей стороны было бы не ссориться со мной.

Его взгляд стал совсем пустым, пока он пытался осознать мои слова. На мгновение мне даже показалось, что я переусердствовал. Но он вдруг закинул голову назад и громко рассмеялся над моим предостережением.

– А ты не из робких, – улыбнулся он, обнажив ровные зубы. – И мне это нравится. Только Вульф – вовсе не имя. Это звук, который издают, когда выпили лишнего и хотят малость освободить желудок.

Он ждал моей реакции на оскорбление; стану я защищать свою честь или отступлю, как побитый пес? Я выбрал нечто среднее.

– Имя не должно стать преградой между нами, – изрек я. – И то, что я собираюсь поведать, с лихвой компенсирует мою природную дерзость.

Он поглаживал ухоженную черную бороду, продолжая с оживлением меня рассматривать.

– Никакой ты не дерзкий, – рассудил он. – Ты бойкий на язык, а у нас за это легко могут перерезать шею. И пока этого не произошло, Расскажи-ка мне обо всем, что тебе известно.

И я приступил к рассказу о сокровищах монахов, спрятанных в секретной крипте под монастырем Святого Кутберта.

– Монастырские сокровища нас не интересуют, – перебил меня чернобородый, так яростно взмахнув рукой, что зазвенели его серебряные браслеты. – Мы здесь по совершенно другой причине.

– Хастейн сказал то же самое. По какой же?

– Пусть это тебя не тревожит. Ты являешься пленником Бьёрна Железнобокого, или его рабом, или как там вы, саксы, это называете, и должен делать лишь то, что тебе скажут. Всю оставшуюся жизнь, а она наверняка долго не продлится, тебя будут звать Рольфом. Меня можешь называть Сигурдом Змееглазым.

Я изумился необычному прозвищу. Он обратился к Хастейну:

– А где мой брат?

– Бьёрн Железнобокий подсел к костру с намерением напиться.

На краткий миг по лицу Сигурда Змееглазого скользнула неуверенность, но он сразу вернулся к прежней строгости.

– Значит, сейчас не стоит его беспокоить. Но завтра я непременно серьезно побеседую с ним о целесообразности захвата в плен заносчивых юношей, приговоренных к повешению. – Он вновь уселся на пенек и жестом показал, чтобы мы уходили. – Пока можешь взять Рольфа к себе в палатку, не забудь только крепко-накрепко привязать его на ночь.

С облегчением кивнув, Хастейн направился вместе со мной к выходу.

– Если ты брат Бьёрна Железнобокого, – бросил я через плечо, – значит, ты приказал уничтожить все население Тевринтона.

Сигурд Змееглазый резко вскочил, и, когда он уставился на меня, я заметил, что у него словно вытек левый зрачок, оставив на зеленой радужной оболочке черный след, похожий на змею. Видимо, эта особенность внешности и обеспечила ему его прозвище.

– Не надо вламываться сюда и попрекать меня тем, что случилось с твоей родной деревней и ее населением.

– Тевринтон – не моя родная деревня, и я не знаком ни с одним из ее жителей.

Хастейн рассмеялся за моей спиной.

– Он и мне пытался это втолковать. Да только он так пялился на девчонку, будто влюблен в нее много лет.

– Что за девчонка?

Хастейн описал овальное лицо Беллы, пухлые губы, изящные черты и большие синие глаза, что сияли как звезды. Правда, он использовал более вульгарную лексику.

– Она девственница? – спросил Сигурд Змееглазый.

Я снова удивился интересу, проявляемому скандинавами к теме девственности, но на этот раз промолчал.

– Бьёрн поручил Ильве разузнать это, – ответил Хастейн. – И если окажется, что нет, он обещал отдать девуку мне.

Сигурд Змееглазый обнажил идеальные зубы в благосклонной улыбке, словно разгадал намерения Хастейна, которые тот пытался скрыть.

– Твою подружку наверняка оставят в покое. Мало что волнует меня меньше, чем английские девчонки. И все же как предводитель войска и ярл я обязан на нее посмотреть. Ибо она находится под моей ответственностью.

Очередным взмахом руки Сигурд Змееглазый дал понять, что беседа окончена. И, словно чтобы компенсировать невероятное терпение, проявленное им по отношению ко мне, он решил завершить аудиенцию угрозой:

– Проваливай, пока я не снес тебе голову, Рольф Дерзец!

5

Хастейн лежал на узкой кровати, сколоченной из березовых стволов, между которыми был натянут широкий кусок кожи. Я лежал на земле, связанный по рукам и ногам. Свет от костров слабо освещал нас, просачиваясь сквозь толстое льняное полотно палатки. Шум и крики смолкли. Лагерь успокоился на ночь.

– Ты прекрасно показал себя в общении с Сигурдом Змееглазым, – заметил Хастейн. – Ему часто приходится объяснять одно и то же по несколько раз, но ты, наверное, и сам это заметил.

– Возможно.

– Но ты умело скрыл это, что лучше всего. Ибо ярл Сигурд заслуживает уважения. На поле боя он бьется за пятерых, а его мужества хватит и на десятерых. Если хочешь знать правду, скажу, что на самом деле стереть с лица

земли вашу деревушку приказал его второй брат, Ивар Бескостный.

– И где сам этот Ивар Бескостный?

– Он еще не прибыл сюда.

– Но он настолько могущественный, что заставляет всех подчиняться даже в свое отсутствие?

Молчаливый кивок подтвердил мое предположение.

– Если Бьёрна прозвали Железнобоким за неуязвимость, – продолжал я рассуждать, – а Сигурда – Змееглазым благодаря его глазу, наверное, Ивар заслужил эпитет «бескостный» по причине отсутствия какой-то конечности?

Улыбка Хастейна никогда не заставляла себя долго ждать. С этим незлобивым парнем было приятно общаться. Кажется, он проникся ко мне той же симпатией, что и я невольно почувствовал к нему.

– У Ивара Бескостного все конечности на месте, и они будут подлиннее, чем у многих. Но он редко спускается с лошади – возможно, потому его так и прозвали. Это воин ростом с башню, с рыжей бородой и ледяным взглядом. Никто не смеет задавать ему лишние вопросы. А вот почему их младшего брата Хальфдана прозвали «Белой Рубахой»[3 - По-датски Витсерк, дословный перевод – белая рубаха.], я знаю точно: он моется каждый день и меняет рубаху почти так же часто. Во время военных походов он обязательно берет с собой помощника исключительно для того, чтобы тот стирал ему одежду и брил его.

Из этих слов я сделал вывод – раз привычка дала прозвище, значит, ежедневное мытье было скандинавам в диковинку, несмотря на то что они выглядели гораздо опрятнее моих соотечественников. Вряд ли прошло больше недели с того момента, как Хастейн принимал ванну.

– А у тебя есть прозвище? – любопытствовал я.

Он с досадой покачал головой.

– Наличие прозвища не зависит от воли человека. Им наделяют окружающие, и его надо чем-то заслужить. Вот как ты.

– А разве у меня уже есть прозвище?

– Разве ты не слышал, как Сигурд Змееглазый назвал тебя Рольфом Дерзцом?

От меня не укрылась зависть Хастейна, замаскированная улыбкой. Видимо, сражаясь и грабя на протяжении многих лет, он не удостоился чести, какую оказали мне после нескольких минут беседы.

– Сигурд и два его брата родились с разницей в три года, – продолжал Хастейн. – Их отец Рагнар Лодброк часто отправлялся в походы, когда они были еще маленькими, и нередко отсутствовал по несколько зим подряд. Сигурд Змееглазый – средний брат, ему 22 года. Ивар Бескостный – старший, ему – 25. Хальфдану Витсерку – всего 18.

– А как же Бьёрн Железнобокий? Сигурд и его назвал братом.

– Он их сводный брат. Мать Бьёрна Железнобокого не королевской крови. Иначе он непременно стал бы предводителем войска. Но Бьёрн был зачат женщиной, не имеющей статуса, поэтому он не может руководить воинами. К тому же Бьёрну Железнобокому почти 40 лет.

То, что Железнобокий жил необычайно долго для активного воина, мне было безразлично. А вот прозвище Лодброк[4 - Мохнатые штаны (др. – сканд.) традиционно переводится как «кожаные штаны».] показалось самым странным из всех, которые я слышал. И потому я рискнул поинтересоваться, почему отца четырех братьев так называли.

– Конечно, потому что он носил кожаные штаны. И кожаную куртку, которую никогда не снимал. – Хастейн возмутился: – Ты не мог не слышать о Рагнаре Лодброке! Это самый известный дан в мире!

– Я совершенно ничего не знаю о вашем мире.

– Думаю, ты знаешь гораздо больше, чем хочешь показать. – Он вновь рассмеялся. – И все же я расскажу тебе о Рагнаре, ибо происхождение человека столь же важно, как и его имя.

Повествовательный пыл Хастейна слегка удивил меня. Но вскоре я понял, что скандинавы – усердные рассказчики, и что у них в запасе есть немало историй, которые они не преминут поведать любому, стоит проявить интерес.

– Рагнар Лодброк родился у одной из многочисленных любовниц короля Сигурда Кольцо, – приступил мой собеседник к повествованию, – который вел происхождение от самого Одина, а потому Рагнару была оказана двойная честь, когда король признал свое отцовство и усадил его к себе на колени перед всеми обитателями дома. Конечно, к немалой радости матери Рагнара, которая небеспочвенно лелеяла мысли о великом предназначении сына и никогда не упускала возможность превознести его храбрость и мужество. Однако многие тогда утверждали, что являются потомками Одина, поэтому неутомимый Рагнар горел желанием добиться славы иным способом.

Голос Хастейна стал глубже. Более медленная и ритмичная речь теперь напоминала монашеское чтение Священного писания во время воскресной мессы, точнее, декламацию некой молитвы, так как Хастейн не держал перед собой книгу и воспроизводил историю только по памяти. Он заговорил текучими, узловатыми и чуть старомодными фразами, которые передавались из уст в уста на протяжении многих десятилетий, будучи однажды сформулированы и подстроены под определенное восприятие рассказчиком главного героя.

– Однажды летом, когда король Сигурд Кольцо отплыл в поход с дружиной викингов, Рагнар скучал во дворе со слугами и другими детьми: отец считал его слишком юным и безрассудным для того, чтобы отправиться с ним. И все же тем летом Рагнару удалось прославиться, когда к нему пришла молодая женщина по имени Лагерта и поведала, что хутор его деда со стороны матери, расстояние до которого можно было преодолеть на лошади всего за один день, атакован разбойниками. Все мужчины, в том числе дед и дядя Рагнара, были убиты, а бандиты развлекались, насилуя женщин. Мать Рагнара взволновала эта весть, но сам он оставался спокоен, так как вырос при дворе короля и встречался с дедом, только когда тот приходил к ним на рождественскую пирушку, а до дяди ему вовсе не было дела. Затем Лагерта рассказала, что ей удалось сбежать, пока злодеи спали, и что она одна отправилась к королю звать на подмогу, но теперь поняла, что ее попытка не имеет смысла – викинги уйдут до того, как вернется

король.

– Рагнар вскочил и закричал, что злодеяния негодяев не должны остаться безнаказанными. Его матушка согласилась, решив, что жаль потерять имущество и владения семейства, особенно теперь, когда Рагнар оказался единственным наследником, но в то же время призвала его к осторожности. Рагнар ничего не захотел слушать. Он собрал самых сильных слуг и немедленно отправился мстить грабителям за учиненные неприятности. Он пришел в разоренный хутор гораздо раньше, чем успели уйти враги. Рагнар немедленно вызвал их на бой, не задумываясь о том, что слуги и стремленные едва ли справятся с матерыми воинами. Ему пришлось обороняться одному против десяти, и вскоре он начал уступать, несмотря на то что в возрасте четырнадцати лет был уже крепким малым, искусно владевшим боевым топором. Но Лагерта пришла ему на помощь – она орудовала своим мечом настолько ловко, что Рагнар тут же влюбился в нее и назвал самой прекрасной воительницей, которую когда-либо встречал.

– Воительница? – перебил я Хастейна. – Как Ильва?

Хастейн на мгновение замолчал, затем расплылся в ироничной улыбке.

– Точь-в-точь, как Ильва. Но вообще-то Ильву пока никто не назвал прекрасной. Ты хочешь дослушать остальное?

Я кивнул и выпрямился, чтобы сковывающие движения веревки меньше беспокоили.

– После одержанной победы Рагнар начал ухаживать за Лагертой. На нее произвели впечатление его похвалы, ведь, несмотря на вспыльчивость и опрометчивость, он был симпатичным парнем. Однако род Лагерты не был знатен, и мать Рагнара не пожелала отдать своего единственного сына женщине без высокого положения в обществе. Она посадила у комнаты Лагерты сторожевого пса и дикого медведя, но Рагнар вооружился против хищников двумя огромными боевыми топорами. Как только он приблизился к двери, оба зверя прыжком преградили ему дорогу и оскалились. Однако его это не испугало, он смело вступил с ними в бой. Когда медведь бросился, намереваясь вцепиться в глотку, Рагнар изловчился вставить древко топора между челюстями зверя, а затем повернулся к псу, сомкнувшему кровожадные зубы на

его ноге. Викинг несколько раз всадил топор в шею собаки, пока голова не оторвалась от туловища, повиснув с сомкнутыми челюстями на ноге героя. Рагнар снова повернулся к медведю, который встал на задние лапы. Игнорируя неприятный «довесок», Рагнар рассек ножом медвежье брюхо, откуда вывалились кишки, после чего зверь испустил дух с жалобным попискиванием. Так Рагнар, вопреки желанию матери, ворвался в комнату Лагерты и овладел девушкой.

Подобно коту у теплого очага, поглаживаемому ласковой рукой, я впитывал магию повествования. Юношеская отвага Рагнара, кровь, драма и захватывающие подробности, вроде отрубленной собачьей головы, заморозили меня. Я даже пожалел о том, что рассказ подошел к концу.

– А что было дальше?

– Лагерта зачала прежде, чем король вернулся из похода. У них с Рагнаром было трое детей: две дочери и один сын – Бьёрн Железнобокий.

История Хастейна вызвала у меня еще больший восторг благодаря тому, что чудесным образом оказалась связана с реальностью, и я не сразу пришел в себя после рассказа о неведомой мне вселенной мужественности и бесстрашия. Лежа на своей кровати, Хастейн не мог скрыть радости, видя мой отрешенный взгляд.

– Ты замечательный рассказчик, – сказал я.

– Я тоже считаю, что умею рассказывать не хуже Брагги Боддасона. Это великий поэт-скальд, он рассказывает так, что забываешь обо всем на свете. Но однажды я превзойду его. Что у тебя там висит?

Столь резкая смена темы поразила меня. Я с изумлением посмотрел в направлении его указательного пальца. Кожаный шнурок, который я носил на шее, выбился из воротника куртки, и кулон оказался на виду.

– Похоже на трубочку из стебля тростника.

Он показал мне свое шейное украшение в виде небольшого серебряного молота.

– Это молот Тора. Такой носят все рядовые воины. Лишь ярлы и знатные люди присягают Одину. Но почему ты носишь тростниковую трубочку? Обычно вы, саксы, ходите с крестами. Это потому, что ты сын вёльвы?

Задавая вопрос, он инстинктивно сжал в руке собственный талисман, словно миниатюрный молот мог защитить хозяина от колдовства.

Я улыбнулся – не из-за суеверия собеседника, а оценив, насколько неумело он попытался замаскировать свой интерес, спрашивая. Он надеялся, что связь, которая установилась между нами после его рассказа о Рагнаре, вынудит меня поведать ему мою историю.

– Так, может, именно поэтому, – продолжил он, подобравшись вплотную к волнующему его вопросу, – твои соотечественники и собирались тебя повесить? Я слышал, что христиане убивают вёльв ни за что ни про что. У тебя поэтому волосы опалены?

Я предпочел сохранить тайну.

– Не думал, что моя история настолько тебя заинтересует, – ответил я.

Хастейн узнал в моем ответе собственные слова. Он улыбнулся и дотронулся до меча, который лежал рядом со стенкой шатра позади кровати.

– Если я буду знать о тебе лишь то, что ты хитрец и ценишь свободу, у меня не будет причин тебе доверять. А если я не буду тебе доверять, тебе придется остаться связанным, пока Бьёрн Железнобокий не удостоверится, что ты не сбежишь.

Хастейн тронул кончиком меча веревку, которая за минувший день глубоко впилась в мои запястья, так что руки стали красно-синими. Выбор был за мной. Он спокойно ждал моего решения.

– У тебя нет причин мне доверять, – сказал я, не кривя душой.

На мгновение Хастейн взглянул мне в глаза, прежде чем меч скользнул обратно в ножны.

– Тогда храни свои тайны до конца, Рольф Дерзец.

6

Скандинавы собирались под открытым небом вокруг низкого четырехугольного ящика с песком для обсуждения дальнейшей стратегии. На поверхности песка я веточкой вербы нарисовал карту и схематический план территории Нортумбрии. Все обитатели лагеря имели возможность выслушать меня, однако большинство из них вскоре утратило всякий интерес к моим словам. В конце концов лишь Сигурд Змееглазый да Бьёрн Железнобокий, который с выражением надменного безразличия почесывал седую бороду, остались у ящика. Хастейн сидел на краю. Неподалеку маячила воительница Ильва.

– Объясни-ка еще раз.

Чернобородый Сигурд Змееглазый, на лбу которого выделялся бледный шрам, повернулся ко мне. Зеленые глаза, один из которых привлекал внимание вытекшим на белок зрачком, сосредоточенно смотрели на меня, изо всех сил стараясь понять мое объяснение.

– Это Нортумбрия, – начал я с начала. – Село Тевринтон находится вот здесь, примерно в двадцати милях к юго-востоку. Мы сейчас пребываем гораздо севернее, на окраине обширной пустоши.

– А где монастырь Святого Кутберта? – спросила Ильва, несмотря на полуденный зной облаченная в узкую кожаную куртку, в то время как присутствующие мужчины обнажили торсы. Их бледные спины покраснели на солнце.

– Монастырь находится в Креке, на полпути к Эофорвику, – прикинул я. – Около пятнадцати миль в южном направлении.

– Нам это совершенно неинтересно, – перебил меня Бьёрн Железнобокий. Он склонился над своим внушительным пузом и стер широкой пятерней крестик, который я нарисовал. Его бледно-серые глаза красноречиво осудили агрессивную мину Ильвы.

– То есть Эофорвик находится в тридцати милях отсюда? – переспросил Сигурд Змееглазый.

– Сколько раз мне придется это повторить?

Неожиданно проявленная мною непочтительность скорее объяснялась страхом и осознанием опасности положения, в котором я оказался, чем раздражением, вызванным медлительностью чернобородого ярла. А положение мое того и гляди должно было усугубиться гневом, загоревшимся в зеленых глазах одного из моих слушателей.

– Ты повторишь это столько раз, сколько потребуется, пока мы не уясним все до конца, – пресек мое недовольство Бьёрн Железнобокий, прежде чем его сводный брат успел совершить какой-либо опрометчивый поступок. – Когда ты приступил к рассказу, Эофорвик находился в сорока милях отсюда, ты же обозначил его местоположение ближе к побережью. Затем переместил его к северу. А теперь выходит, что он находится там, где прежде было место монастыря Святого Кутберта. Ты уж определись, Рольф Дерзец.

Сигурд Змееглазый с облегчением кивнул, обнаружив, что и его старший брат сбит с толку моими выкладками. За две недели, прошедшие с того момента, как меня взяли в плен, я узнал Бьёрна Железнобокого как толкового и дальновидного вождя, под видом безразличия скрывавшего недюжинный ум. Действительно, Сигурд Змееглазый отдавал приказания, но толстопузый седобородый воин превосходил своего младшего сводного брата и смекалкой, и понятливостью.

– Мы, саксы, не привыкли к картам, – объяснил я, стараясь сохранять спокойствие. – В своих многочисленных путешествиях я всегда находил верный путь с помощью природных ориентиров. Расстояния я оцениваю, исходя из времени, затраченного на их преодоление. Если отправиться отсюда прямо на юг, за два дня можно добраться до Эофорвика, а это соответствует примерно тридцати милям.

– Тридцать миль пешком за два дня, – повторил Сигурд Змееглазый. – Звучит вполне правдоподобно, особенно если поторопиться.

Бьёрн Железнобокий ворча согласился с мнением брата. Для меня подобные расчеты звучали так же убедительно, как когда много лет назад я слышал их из уст Ярвиса.

– Если до монастыря всего 15 миль, – вклинилась в беседу Ильва, – дорога туда и обратно займет лишь один день.

– Вполне возможно, Ильва, но мы туда не поедem.

Воительница и Железнобокий обменялись яростными взглядами. Сигурд Змееглазый почесал густую черную бороду, серебряные браслеты зазвенели на его запястье.

– Если выйти с пешим войском, – медленно произнес он, явно думая так же медленно, – потребуется около трех дней, чтобы преодолеть расстояние от Эофорвика до нашего лагеря.

– Да, но сначала надо собрать это самое войско, – прогрохотал Бьёрн Железнобокий, – вооружить людей и произвести разведку. Кроме того, хороший предводитель войска предпочтет в течение нескольких дней понаблюдать за лагерем из засады, чтобы оценить силы противника. Дай саксам неделю, и сам увидишь.

Формальный лидер армии поразмыслил над неформальным советом и пришел к такому заключению:

– Мы даем саксам еще семь дней. Посади пленника обратно в клетку.

Хастейн взял меня под руку и отвел к сараю из крепких досок, недавно сооруженному посреди палаток и не имевшему оконных проемов. К двери была приделана задвижка. Полom в сарае служил утрамбованный участок земли размером три на три шага. В этом строении я проводил большую часть суток, выпускали меня только на повторяющийся ритуал у ящика с песком.

– Вы ожидаете правителя Нортумбрии? – спросил я у Хастейна, когда он открыл мне низкую дверь.

– Это тебя не касается, Рольф Дерзец.

В первый же вечер, проведенный с ним в палатке, я своим упрямым молчанием отклонил проявленную им доверительность. А после этого тщетно пытался вернуть его расположение.

– У саксов нет постоянной армии, – продолжал я. – Личный хирд правителя состоит всего из сотни воинов. Если он хочет собрать более мощную армию, обращается через тэнов к олдерменам, которые, в свою очередь, просят своих ривов выбрать лучших воинов среди крестьян. Почему вы не нападаете первыми?

Хастейн покачал головой и откинул с глаз длинную светлую челку.

– Видимо, этот вопрос будет мучить тебя до тех пор, пока сама действительность не даст тебе на него ответ.

Больше он ничего не пожелал мне сказать. Тогда я прибег к другой тактике.

– Расскажи, как Рагнар Лодброк получил свое прозвище.

Душа Хастейна не окончательно очерствела. Он прочел в моем взгляде одиночество и испытал сострадание. Кроме того, его соблазнила возможность попрактиковаться в повествовательном мастерстве. Он втолкнул меня в клетку, сел снаружи и принялся рассказывать сквозь приоткрытую дверь.

– Все началось с того, – приступил он к повествованию тем же глубоким голосом, которым некогда поведал мне первую историю, – как однажды король свеев Геррёд подарил своей дочери Торе пару молодых драконов, которых привез из далекой южной пустыни некий торговец. Тора ухаживала и присматривала за ящерами, и вот они выросли настолько, что ежедневно стали съедать по целому быку, сильно докучая жителям окрестностей своими налетами. Однако остановить их было не просто: тела драконов покрывали небольшие твердые чешуйки, поэтому даже самое острое оружие царапало лишь верхний слой кожи. Король Геррёд пообещал отдать свою дочь в жены тому, кто сумеет прикончить этих жутких тварей. Услыхав об этом от людей, путешествующих по разным странам, Рагнар не стал раздумывать. По совету матери, он раздобыл себе кожаную куртку и пару кожаных штанов, которые, по ее расчетам, должны были

защитить его от драконьих укусов. Она рассказала, что если он вымочит штаны в смоле, а затем обваляет в песке и мелкой гальке, они станут грубыми и непроницаемыми, но останутся гибкими.

– Неужели он не мог просто надеть кольчугу? – перебил я рассказчика.

Своим обычным голосом Хастейн объяснил, что с таким видом защитного снаряжения, как кольчуга, скандинавы познакомились, лишь начав совершать набеги на империю франков под руководством Карла, воины которого не мыслили жизни без кольчуг. История же происходила в более древние времена.

– Драконы были ужасны на вид, – продолжил он. – Серо-зеленые, каждый длиной в три человеческих роста. Из головы у них торчали длинные клювы с сотнями зубов, четыре конечности были настолько короткими, что животы тащились прямо по земле, когда чудища ползли, извиваясь из стороны в сторону. Рагнар мигом схватил их обоих. Драконы пытались обвить его своими телами, извернувшись кольцами, и содрать с него кожу своими страшными зубами. Все, кто находился поблизости, в ужасе бросились врассыпную. На поле боя поднялся невообразимый шум. Но, как и предвидела мудрая мать Рагнара, его надежно защищала кожаная одежда. Рагнар вонзил копье в плоскую голову первого дракона, затем воткнул меч в туловище второго и проткнул ему сердце. Когда оба зверя оказались повержены, король похвалил Рагнара за проявленное великое мужество и, как и обещал, отдал ему в жены свою дочь. В это же время он наделил героя прозвищем Лодброк, Кожаные Штаны, так как парень проявил смекалку, обваляв штаны в смоле и камешках.

– А как же Лагерта? – удивился я.

В полумраке Хастейн склонил ко мне голову.

– А что с ней?

– Разве Рагнар не был женат на Лагерте? Или скандинавы практикуют многоженство?

Хастейн смущенно почесал гладковыбритый подбородок – судя по всему, он упустил связь между двумя историями.

– Ты прав, – согласился он. – Любовниц может быть сколько угодно, а жена – одна. Наверное, Рагнар с Лагертой развелись до того, как он женился на Торе.

В моем мире развод был столь же немыслим, как многоженство. Я внимательно разглядывал профиль своего собеседника, резко очерченный на фоне яркого света, проникавшего сквозь приоткрытую низкую дверь.

– По крайней мере мне известно, – продолжал Хастейн, – что позже Лагерта вышла замуж за норвежского ярла, ибо, когда этот норвежец умер, не оставив после себя потомства, она унаследовала все его королевство.

Насколько я понял, титул ярл соответствовал английскому олдермену, причем этот титул не имела права носить женщина – ни до, ни после смерти супруга. Хастейн улыбнулся, заметив мою скептичность.

– Жена ярла хранит ключи от его владений, когда он уходит в военный поход. Так почему она не может взять их себе после его смерти, если пожелает? Но если ты в чем-то сомневаешься, спроси у Ильвы. Лагерта – ее бабка.

И вновь связь сказки с реальностью поразила меня. Очевидно, скандинавы жили на границе между мифом и реальной жизнью.

– Если норвежский муж Лагерты умер бездетным, – заметил я, – мать Ильвы – одна из двух сестер Бьёрна Железнобокого.

– А тебя не проведешь, Рольф Дерзец. И память у тебя, что надо.

Хастейн начал закрывать дверь. Я просунул ногу в щель.

– Молодая женщина из селения оказалась девственницей?

Он нахмурил светлые брови и откинул назад челку.

– Видимо. – Он с досадой пожал плечами. – По крайней мере Сигурд не позволил мне с ней развлечься.

– Но она еще жива?

– Еще как жива. Но Ильва пасет ее, словно медведица медвежонка.

– А что ее ждет дальше?

Внезапно лицо Хастейна покраснело, но явно не от злости. Я тщетно пытался уловить причину этой перемены.

– Это... это тебя не касается, – буркнул он, захлопнул дверь и щелкнул задвижкой.

Я сидел в темнице, провонявшей моими испражнениями, и размышлял над рассказом Хастейна и над тем, о чем он умолчал.

Шум лагеря, жизнь которого я наблюдал через дырку от выпавшего сучка, путал мои мысли.

По утрам скандинавы оттачивали свое боевое искусство на открытой площадке в восточной части лагеря. Их упражнения сопровождались громким ревом и лязгом мечей и топоров. После обеда они проводили время за игрой в мяч и рукопашной борьбой. А на закате выкатывались и вскрывались бочки с пивом, так что вечер неизменно завершался всеобщей попойкой. Бородачи любым делом занимались энергично, демонстрируя завидное жизнелюбие, что коренным образом отличалось от свойственной сельским жителям вялости и еще больше контрастировало с нарочитым благочестием монахов. Скандинавы были сильными независимыми людьми, которые жили и веселились так необузданно, что это одновременно пугало и завораживало. В то же время было ясно, что каждый знает свое место и ревностно оберегает личное достоинство. Ярлы и знатные люди прямиком шагали по дощатому настилу, не думая никому уступать, в то время как слуга всегда пропускал кряжистого свободного человека, который, в свою очередь, отступал, встретив на дорожке вооруженного воина. Постепенно у меня возникло лишь отчасти осознаваемое желание стать таким же, как они.

Я шел за своими мыслями, которые неизменно приводили меня ко второму человеку, пережившему набег на Тевринтон. Прелестная красавица Белла была старше меня на пару лет. Я не был единственным, кто втайне страстно желал ее. Когда она, выпрямив спину, несла через деревню пару ведер с водой на

отцовскую кузницу, все поворачивали головы ей вслед. В качестве иллюстрации того, что физическая красота – не пустое место в этом мире, можно упомянуть, что девушка была помолвлена с сыном олдермена – обычно дочь кузнеца не смела и надеяться на столь выгодную партию.

Я вспомнил, как однажды видел ее обнаженной. С тех пор миновал всего месяц, но казалось, что за это время прошла целая жизнь. Я стоял, прижавшись лицом к плетеной ивовой изгороди вокруг дома кузнеца, и подглядывал в трещину в глиняной штукатурке. Грубые руки девушкиной тетки окунали губку в корыто, из которого шел пар, и омывали хрупкие позвонки племянницы, четко обозначившиеся под бледной кожей. Меня охватила волна жара, когда Белла поднялась в ванне, чтобы обтереться. Ее темные волосы прилипли к блестящей спине, почти достигая маленькой тугой попки. Тонкие пальцы скользнули по вздернутым соскам. Руки, продолжая ловко орудовать полотенцем, устремились к плоскому животу, коснулись темного пушка на лобке и замерли на упругих бедрах...

Я услышал в темноте собственное тяжелое дыхание.

В глубине души я сознавал, что занимаюсь греховным делом, даже не одним, а сразу несколькими. И все же был не в силах оторвать руку от твердого бугорка, выросшего у меня в паху. Воспоминание об обнаженном девичьем теле сверкало во мне, кровь пульсировала в висках, прилиwała к моему детородному органу. Я развязал пояс, чтобы быстрее освободиться от напряжения, как вдруг металлический лязг заставил меня вздрогнуть. Задвижка на двери открылась.

В низком проеме возникла широкоплечая фигура – она сидела на корточках на фоне звездного неба. Я не узнал Ильву, пока во тьме не прозвучал ее светлый голос:

– Иди за мной, сакс, – сказала она, – если хочешь обрести свободу.

Мы с Ильвой пробрались за передний ряд палаток и, удостоверившись, что сумеем незамеченными преодолеть насыпь, опоясывающую лагерь, спустились вниз; петляя, побежали через пустошь. Когда мы оказались на приличном расстоянии от лагеря, она затащила меня в кусты, схватила за куртку и приставила длинный нож к моей шее. Я давно понял, чего она хочет.

– Я покажу тебе путь к монастырю Святого Кутберта, – сразу сказал я. – И я хочу попросить лишь две вещи взамен. Во-первых, пообещай мне, что не станешь убивать монахов.

Угроза, которую она собиралась мне озвучить, застряла у нее в горле.

– Оставить в живых монахов? – воскликнула она. – Но почему?

– Можешь помять их, если хочешь, – продолжал я, – но никто из них не должен погибнуть. А к одному из них вообще не прикасайся.

– Неужели это твой друг?

Вообще-то брат Ярвис не был монахом в полном смысле слова, скорее монастырским служкой. Я решил не объяснять Ильве разницу, и хотя слово «дружба» лишь в малой степени соответствовало отношениям, связывающим меня с Ярвисом, я кивнул. Она проворчала что-то в темноту.

– Договорились. Но ты сам объяснишь это моей дружине.

– Дружине? – переспросил я.

Ее кривые зубы сверкнули в темноте, когда она улыбнулась моей наивности.

– Дружина – это личная охрана ярла, группа из нескольких воинов, которых можно призвать к себе в любой момент и запереться с ними в парадном зале, набитом оружием, едой и напитками.

– Призвать к себе?

Она презрительно фыркнула.

– Хватит испытывать мое терпение, сакс. Что за второе условие?

– Ты должна помочь мне спасти девушку, надзор за которой поручил тебе Бьёрн.

Я предполагал, что мое второе требование окажется для воительницы более неприемлемым, чем первое, но, к моему удивлению, она немедленно согласилась. Ильва поставила меня на ноги и потянула к темно-синему силуэту, обступившему опушку леса, где прятались лошади и вооруженные воины.

– Это все твои люди? – не удержался я от вопроса, за приметив небольшую группу мужчин.

– А ты на что рассчитывал?

– Рассчитывал увидеть не менее полутора десятков человек.

В ее близко посаженных глазах вспыхнул гнев. Правда, он был направлен не на меня.

– Под моим командованием находится 120 могучих викингов. Но клятва, которую мы принесли, прежде чем отправиться в этот поход, не позволяет мне воспользоваться сегодня ночью помощью людей, не входящих в состав моего личного хирда.

Я быстро вычислил, что армия Ильвы составляла больше одной пятой части объединенного войска скандинавов. На мгновение я лишился дара речи, осознав, какой великой силой распорядилась эта женщина. К счастью, мне хватило ума не комментировать этот факт. Вместо этого я рассказал дружине, что они не должны причинять вред монахам.

Воины заверили меня, что, если я гарантирую им обещанную добычу, они будут держать себя в руках.

Тьма была плотной, как дубленая кожа. Держась за талию Ильвы, я изо всех сил старался усидеть на лошади. Это было голенастое животное, падение с которого грозило сделать калекой. Позади в глубоком молчании двигалась колонна всадников. Они были одеты в кожу и кольчуги, вооружены копьями, топорами и

палицами.

– Ты знаешь лишь ту деревню и монастырь, верно? – бросила Ильва через плечо. – И никогда не бывал в Эофорвике. Даже понятия не имеешь о том, где находится этот город. Я права?

Я принялся объяснять, но она перебила меня.

– Твое вранье мне неинтересно. Меня интересует только дорога до монастыря. Если ты ее не знаешь, ты не жилец.

– В таком случае мне нечего бояться.

Было в этой широкоплечей женщине нечто угрожающее и вместе с тем умиротворяющее. Несмотря на присущую ей грубость, она обладала тем же природным достоинством, что и Бьёрн Железнобокий, и Сигурд Змееглазый, и Хастейн. Как и они, она прекрасно знала, что является сама себе хозяйкой и не отчитывается ни перед кем – ни перед королем, ни перед богом. Я непременно хотел поближе изучить ее самоуверенность, именно поэтому вновь нарушил тишину:

– А Лагерта действительно твоя бабушка?

Ильва повернулась ко мне вполоборота.

– Где ты о ней слышал?

Я сослался на рассказы Хастейна о Рагнаре Лодброке, битве с двумя драконами, браке с дочерью шведского короля и выразил удивление по поводу того, что Рагнару удалось жениться, будучи женатым на Лагерте.

Ильва издала звук, напоминавший нечто среднее между смешком и фырканьем.

– Все эти истории, которые плетутся вокруг личности Рагнара Лодброка, имеют мало общего с реальностью.

– А какова реальность?

Ильва ощутила непреодолимое желание исправить заблуждения о своей бабке и Рагнаре, явившиеся результатом многолетнего пересказывания историй. Поэтому она продолжила, несмотря на то что я был не слишком достойным слушателем.

– Во-первых, скальды забывают упомянуть, что Рагнар Лодброк обещал даровать разбойникам жизнь, если они добровольно согласятся уйти из его владений. Приближенные короля пришли в ярость. Однако для Рагнара было важнее сохранить неприкосновенным свое наследство, чем отомстить. Он должен был подписывать договор, когда Лагерта с ближайшим окружением расправилась с нарушителями спокойствия: их выпороли, выкололи им глаза, а кишки и половые органы вывесили на жердях. При этом разбойники были еще живы и жутко стонали от выпавших на их долю мук.

Вторая, гораздо более жестокая версия героизма Лагерты повергла меня в шок. Ильва продолжала перечислять сухим приглушенным голосом.

– Во-вторых, Рагнар не был влюблен. – Она скорчила гримасу, будто это слово являлось оскорблением. – Он был развратником. Грабители убили родителей Лагерты, и она осталась одна на целом свете. Разве могла она отказать, когда к ней посватался новый ярл?

– А как обстояли дела с псом и медведем, которых посадили охранять ее комнату?

Чтобы продемонстрировать презрение к моим словам, Ильва прикрыла одну ноздрю указательным пальцем и высморкнула из второй тягучий сгусток, вылетевший в ночную тьму.

– Последнего медведя в Ютландии убили много веков назад. Думаешь, пес и медведь смогли бы спокойно сидеть друг напротив друга, послушно выполняя функции сторожей? В-третьих: ты когда-нибудь в своей жизни встречал дракона?

Я согласился, что драконы не относятся к привычной фауне Нортумбрии.

– На нашей родине они тоже не водятся. Так что рассуди сам, существовали драконы короля Геррёда в действительности или явились плодом фантазии Рагнара. А фантазия его становилась вовсе необузданной, стоило ему хлебнуть лишнего. К концу вечера он редко оставался трезвым.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы переварить ее слова. Когда я вновь заговорил, мой голос превратился в хриплый шепот.

– Я думал, Рагнар Лодброк – один из ваших главных героев.

– Едва ли в этом вопросе стоит полагаться на мнение Хастейна, ведь он никогда не встречался с Рагнаром. Бьёрн Железнобокий усыновил мальчика, когда его родители умерли, и держал подальше от своего отца. Забавно, что Железнобокий всегда восторгался безудержной болтовней Хастейна, словно это был его родной сын.

Теплые отношения между юнцом и седобородым воином многое объясняли в их поведении, но порождали новый вопрос:

– Почему Бьёрн Железнобокий ограждал Хастейна от общения со своим отцом?

– Однажды он сам расскажет тебе об этом, если, конечно, ты сумеешь вызвать его на такой разговор. – Ильва выдержала искусственную паузу, чтобы подчеркнуть свое следующее утверждение: – У каждого человека есть свои представления о Рагнаре Лодброке. Лично для меня он был свиным пузырем, раздувшимся от теплого воздуха.

Мы довольно долго ехали молча, как я осознал почему-то прежде не пришедшее мне в голову обстоятельство.

– Ты ведь племянница четырех сыновей Лодброка. Поэтому они и приняли тебя в свой лагерь как единственную женщину.

Ильва так резко остановила лошадь, что я врезался лбом в спину в железной кольчуге. Не успел я опомниться, как она схватила меня за волосы рукой, облаченной в кожаную перчатку. Затем она уложила меня поперек лошадиной спины, наклонилась и посмотрела в мои глаза сверкающим от гнева взглядом.

– Меня приняли, потому что я сражаюсь лучше, чем большинство мужчин. Моя дружина сильна и многочисленна, сыновья Лодброка нуждаются в моей поддержке.

Я с треском повалился на землю, когда она с силой отшвырнула меня. В замешательстве я смотрел на нее снизу вверх, ожидая, что в меня полетит боевой топор и расколет череп. Но вместо этого Ильва протянула мне руку и вновь усадила на лошадь позади себя. Мы долго ехали молча.

– В-четвертых, – внезапно заговорила она, – Лагерта и Рагнар не разводились. Вообще-то они и женаты никогда не были. В течение четырех лет Рагнар водил за нос мою бабу. Недостатка в отговорках не было. Сначала ему необходимо было восстановить двор. Затем он отправился в поход. А после ему во что бы то ни стало потребовалось посетить короля Сигурда Кольцо. Он потерял интерес к Лагерте и, несмотря на то что прижил от нее троих детей, это не остановило его, когда перед ним открылась возможность заполучить в жены дочь короля свеев.

Ильва остановила лошадь. Мы достигли лесной опушки, от которой во тьме тянулись обширные поля. Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь ветром в кронах деревьев.

– Я побывала в Англии вместе с сыновьями Лодброка, – заявила она, – чтобы убедиться, что Рагнар действительно мертв. А еще вот из-за чего.

Я проследил взглядом в направлении, куда был устремлен ее указательный палец. На холме перед нами на фоне звездного неба высился неровный силуэт монастырского комплекса. Свет не горел ни в одном окне.

– Неужели Рагнар Лодброк погиб здесь, в Нортумбрии? – удивился я.

– Так утверждают его сыновья. Если они врут, я заодно разберусь и с этим.

Монастырский частокол, состоящий из ошкуренных жердей высотой чуть ли не в два человеческих роста, возвышался на вершине холма кольцом, напоминая королевскую корону. Ильва прислонилась спиной, казалось, к неприступному забору, чтобы проверить его на прочность.

– Брат Вальтеоф ночует в привратницкой, – прошептал я. – Надо действовать осторожно, чтобы не разбудить его.

– Это тот самый, который так дорог тебе, что мы не должны его трогать?

Я улыбнулся и покачал головой. По мне, пусть Ильва как следует покалечит этого лицемерного негодяя. Я указал на небольшую открытую башенку над воротами, на самом верху которой с потолочных балок свешивался колокол.

– Шнур от колокола тянется в келью Вальтеофа. Если он услышит наше приближение, немедленно запрется на засов. А звон колокола разнесется по всей округе – при северном ветре его услышат в самом Эофорвике.

– Просто невероятно, насколько хорошо ты информирован.

Я поставил ступню на ее сцепленные ладони. Она выпрямилась и подняла меня, вытянув руки как можно выше, чтобы я мог уцепиться за верхушку частокола и перебраться через него. Я спустился по узенькой лесенке, прошел мимо кельи брата Вальтеофа и очутился у массивной двери, обитой железом и представляющей собой единственный вход в монастырь. Я поднял тяжелый засов и открыл три задвижки.

– Монахи здорово укрепили защиту с тех пор, как я была здесь в последний раз, – заметила Ильва. – Десять лет назад дверь не была такой мощной.

– Даже монахи умнеют, потерпев убыток, – ответил я.

Три воина из дружины Ильвы отправились разбираться с братом Вальтеофом. Остальные устремились к монашеским кельям, расположенным в ряду низеньких построек с торфяными крышами вдоль южной монастырской стены. При свете единственного факела мы с Ильвой шли к длинному зданию, где находилась почивальня брата Сельвина. Дверь закрывалась всего на одну

задвижку, которую Ильва без труда сбила. Человек, лежавший на соломе в алькове, спросонья вздрогнул от шума.

– Кто смеет... – начал было Сельвин.

Утонченный и педантичный писец прищурил близорукие глаза, приглядываясь к темноте, и резко умолк, разглядев в своей комнате вооруженного воина.

– Ты знаешь, кто я, монах?

Я с удивлением воззрился на Ильву, так как она говорила на наречии саксов, ломаном, но вполне понятном. Глаза брата Сельвина округлились и выпучились. Он, несомненно, узнал ее.

При свете факела я обыскал пол в северной части помещения. От небольшого нажатия одна из половиц приподнялась. Я извлек ключ из полости под доской. Брат Сельвин переводил взгляд с меня на ключ и обратно. Он еще не узнал меня и не мог взять в толк, как кто-то мог обнаружить тайник.

– Идем.

Ильва вывела монаха на площадь. Я остался в келье и заглянул в скрипторий – второе помещение, находившееся в этом длинном здании, где перед книжным шкафом было устроено шесть рабочих мест. Прежде обширная библиотека монастыря насчитывала около двадцати книг в кожаных переплетах. Это были священные книги и древнейшие научные рукописи. Однако сейчас дверцы книжного шкафа оказались распахнуты настежь, а полки пусты.

Я не успел удивиться этому обстоятельству, как светлый голос Ильвы позвал меня с улицы. Она кивнула на фигуры, стоявшие на площади перед длинным домом. Я насчитал среди них всего на две головы больше, чем раньше.

– Где послушники? – спросил я у скандинавов, опасаясь, что они проигнорировали мое условие. – Где остальные монахи? А аббат? А трудники?

Воины ответили, что храм и кельи пусты и что, несмотря на тщательные поиски, им удалось найти на территории монастыря всего пару монахов: одного – в

алькове на кухне, второго – в большой кровати в постройке, расположенной рядом с храмом. Несмотря на темноту, я узнал первого по рясе, туго обтягивавшей брюхо. Брат Мертон, монастырский повар, раздался еще больше с тех пор, как я видел его последний раз полгода назад. Второго я узнал по лысине. Хотя брату Вальтеофу было всего лет двадцать с небольшим, это был единственный монах в Креке, которому не требовалось регулярно брить макушку, чтобы поддерживать идеальную форму тонзуры. Он был сонным и только начинал понимать, что происходит вокруг, но его большеротое лицо уже приняло характерное враждебное выражение.

– Где остальные? – спросил я у брата Сельвина, которого Ильва по-прежнему не отпускала.

– В Эофорвике, – ответил писец голосом, дрожащим от страха. – Когда стали ходить слухи о появлении в наших краях викингов, аббат посчитал, что лучше отправиться туда вместе с реликвиями.

– А брат Ярвис?

Прежде чем Сельвин успел ответить на мой второй вопрос, я осознал смысл его первого ответа и понял, почему шкаф в библиотеке был пуст. Я бросился на холм и ворвался в храм – в зал шириной в шесть шагов и длиной в десять, сооруженный из тяжелых бревен, провонявших сыростью и ветхостью. Сквозь крошечные окошки, прорубленные под самой соломенной крышей, на полустертые половицы падал бледный лунный свет. Узкая лестница, скрытая за небольшой дверцей позади алтаря, спускалась во мрак. В самом конце ее я наткнулся на массивную железную дверь с замком. Руки у меня дрожали, пока я вставлял ключ в замок и поворачивал его.

В крипте царила кромешная тьма. Я наощупь обыскал полки и ниши. Когда Ильва спустилась ко мне с факелом, его свет лишь подтвердил то, что я и так знал.

Сокровищ в монастыре больше не было.

Воины из дружины Ильвы неуверенно переминались с ноги на ногу, стоя на освещенной лунной площади.

– Сокровищ нет? – переспрашивали они.

Их изумление скоро должно было перерасти в разочарование. А затем в них закипит гнев. И как только их охватит ярость, они примутся искать человека, на которого можно направить разрушительную волну.

Ильва тоже это понимала. Ее близко посаженные глаза сурово глядели на меня. Рукой она поглаживала рукоять меча. Я уже открыл рот, чтобы сказать слово в свою защиту, но меня опередил чей-то голос:

– Мальчик-Оборотень не ожидал такого поворота событий, верно?

Брат Вальтеоф презрительно улыбался мне широким кривозубым ртом. Его взгляд был холодным и жестким.

– Ага, – ответил я, – значит, ты меня узнал?

– Ты остался самим собой, Вульф. Кажется, у тебя ни рог на лбу не вырос, ни копыта на ногах, хотя это вполне подошло бы дьявольскому отродью, коим ты являешься.

Теперь я знал, что Ильва понимает язык саксов, но не был уверен в наличии аналогичных способностей у членов ее дружины. Пока я старался понять, дошел ли до них смысл сказанного, взгляд брата Сельвина тоже озарился светом узнавания. Писец поморщился и указал на меня бледной, перепачканной чернилами рукой.

– Как могло случиться, что ты еще жив? – изумился он.

У меня не было причин лгать.

– Ради пущей безопасности жители Тевринтона ждали наступления новолуния, чтобы меня повесить. Мои новые друзья спасли меня от виселицы.

Вальтеоф покосился на скандинавов и прошипел:

– Господь еще обрушит на тебя свое наказание.

– В день суда не жди высшей милости, – добавил Сельвин.

– В таком случае я проведу вечность в чистилище в вашей компании.

Разозлившись на бесстыдную самоуверенность двух монахов, я не мог совладать с дрожащим голосом. Мы трое знали, что они грешны ничуть не в меньшей степени, чем я.

– Кто без стыда, пусть первым бросит камень, – процитировал брат Вальтеоф. – Так говорил Спаситель.

– Без греха, – поправил Сельван товарища, который проигнорировал его замечание.

– Ты явился показать варварам путь к монастырским реликвиям, – продолжал Вальтеоф. – Но, как видишь, взять у нас нечего.

Замешательство скандинавов уверило меня в том, что они не понимают наш разговор. Зато брат Мертон прекрасно понимал каждое слово. Круглые щеки повара дрожали от потрясения. Он в растерянности переводил взгляд с одного участника беседы на другого.

– Неужто это и правда Вульф? – не мог поверить он своим глазам. – Всего четырнадцать дней назад вы двое пришли и сказали, что он мертв.

– Нашим надеждам не было суждено сбыться, – ответил Сельван с мрачной гримасой. – Дьявол пробудил его обратно к жизни.

– Скверну нелегко искоренить, – изрек Вальтеоф. – Как говорит Спаситель.

Насколько мне известно, Спаситель никогда не говорил таких слов, но на этот раз Сельвин не стал исправлять соратника. Никто из них не испытывал желания

углубляться в тему, так как могло возникнуть немало вопросов о событиях, предшествовавших вынесению мне смертного приговора, а об этом они предпочли бы не распространяться.

– Если остальные ушли в Эофорвик, почему вы втроем остались? – поинтересовался я.

Причина присутствия повара была очевидна: его деятельность необходима для выживания двух других монахов. Ни Сельвин, ни Вальтеоф не были приспособлены к такому полезному занятию, как приготовление пищи.

– Мы сами вызвались остаться, – кротко произнес Вальтеоф, – чтобы присмотреть за монастырскими владениями, принадлежащими Господу.

– Так вот почему скандинавы обнаружили тебя дрыхнувшим в постели аббата Этельберта?

Брат Сельвин строго посмотрел на товарища, который, проведя рукой по лысой макушке, скорчил недовольную гримасу в попытке защититься от нападков.

– К утру я, естественно, собирался вернуться в привратницу.

– Быть может, ты надеешься, – продолжал я, – что Этельберт останется в Эофорвике, и ты сможешь навсегда занять его место? – Я перевел взгляд с Вальтеофа на Сельвина. – А ты получить пост его писца?

Писарь и не подумал мне возразить. А Вальтеоф оказался менее сдержанным.

– Ты здесь больше не имеешь никакого влияния, Вульф. В общем-то ты никогда его не имел. А Ярвис теперь далеко.

– То есть он в Эофорвике вместе с остальными?

Вальтеоф презрительно улыбнулся, уловив в моем голосе облегчение.

– Тебе не стоит так беспокоиться о брате Ярвисе в данный момент. Как думаешь, что скажут твои новые друзья, узнав правду о том, кто ты такой и что натворил?

Я покосился на Ильву, которая вновь проявила интерес к монахам. Брат Сельвин решил проявить инициативу и обратился к воительнице:

– Ты являешься предводительницей этой стайки дикарей, но поскольку ты понимаешь наречие саксов, позволь предупредить, кого ты пригрела под своим крылом, язычница. Думаешь, Вульф – безобидный мальчик, который поможет тебе запустить руки в церковную сокровищницу? Нет, он – пособник дьявола, воплощенное зло. В нем гораздо больше от волка, чем от человека. В его венах течет звериная кровь!

Меня охватила волна гнева. Холодная луна отражалась в заклепке на ножнах, торчавших из-под локтя Ильвы. Не успев толком подумать, я схватил костяную рукоятку ножа. Три длинных шага приблизили меня к Сельвину на расстояние вытянутой руки. Лезвие скользнуло по его ключице и оставило кровавую полосу на грубой ткани рясы.

Крик монаха в одну секунду остудил мой пыл. Я покачнулся и отступил. Сельвин приложил руку к ране. С выражением триумфа на лице он посмотрел на окровавленную ладонь.

– Это будет стоить тебе жизни, – сказал он. – Даже варвары не столь глупы, чтобы поверить в твоё вранье.

– Как говорит Спаситель, – не преминул добавить Вальтеоф.

Ильва выхватила меч. Взгляд близко посаженных глаз метался между мною и монахами. Наконец она приняла решение. Меч описал в воздухе идеальную дугу и запросто рассек голову брата Сельвина от макушки до подбородка. Кровь и мозги брызнули мне прямо в лицо, осколок черепа угодил в рот. Я плевался и откашливался.

В течение нескольких секунд тело Сельвина оставалось в вертикальном положении, затем рухнуло, как пустой мешок из-под муки. Брат Вальтеоф застыл на месте, обрызганный кровью, не веря своим глазам.

– Так-то, воины. – Ильва вытерла меч об рясу Сельвина и повернулась к дружине: – А что делать, оказавшись с женщиной наедине, вам, может, тоже

надо показать на примере? Неужели сами не сообразите?

Звук мягкого голоса вывел Вальтеофа из оцепенения. Дико выпучив глаза, он кинулся вперед. Однако бросился не на Ильву, а на меня. Его сильные руки сжали мне горло. Он издал душераздирающий звериный рев. Я ощутил, как моя спина коснулась грубых досок, которыми была выстлана монастырская площадь. Вальтеоф еще крепче сжал руки.

У Ильвы не было причин спасать меня от отчаянно обозленного тощего монаха. Она успеет прикончить его после того, как он расправится со мной. Перед глазами замелькали красные полосы. Я улавливал активные перемещения вокруг себя – тела двигались, оружие сверкало в лунном свете.

И вдруг меня поразила звенящая тишина. Вальтеоф придавил меня своим телом. Кто-то отпихнул его в сторону и помог мне подняться на ноги. Я хватал ртом воздух, отплевывался и кашлял. Сильная рука сомкнулась на моем запястье и высоко подняла мою ладонь.

– Рольф Дерзец спас меня от колдовства наших супостатов, – закричала Ильва. – Я была обездвижена и не в состоянии самостоятельно пресечь их магию. Если бы Рольф вовремя не отреагировал, ваша предводительница оказалась бы во власти Белого Христа.

Викинги взревели и застучали мечами по кромке щитов. Я не сразу понял, что стал виновником их ликования.

На площади лежали тела монахов. Из-за ночной прохлады над свежими трупами поднимался пар. С лица брата Сельвина, рассеченного на две части, сверкали глаза – по одному с каждой стороны от смертельной раны. После роковой встречи с палицей череп брата Вальтеофа сильно деформировался под слоем кожи. Неподвижный взгляд брата Мертон вперился в звезды, язык свешивался изо рта как инородное тело. Меч пронзил его мощное тело бесчисленное количество раз.

На труп повара я смотрел с сожалением: Мертон был хорошим человеком. Его единственной оплошностью стало в неподходящий момент оказаться в неправильном месте и дурной компании.

– Здесь нам больше делать нечего, воины, – сказала Ильва. – Едем обратно в лагерь.

Мы по траве добрались до небольшой рощицы, где оставили лошадей. Дружина Ильвы опечалилась из-за постигшей неудачи не так сильно, как можно было ожидать. Воительница разломала свой серебряный браслет и разделила кусочки между подчиненными, поблагодарив их за участие в общем деле. Она осталась без украшения, зато ее воины были довольны.

– Было бы интересно послушать, – обратилась она ко мне, – что стоит за ненавистью монахов, и почему они называли тебя Оборотнем.

На мгновение я испугался, что она примется расспрашивать с пристрастием, но Ильва смотрела мимо меня, на возвышающиеся на холме строения, которые постепенно охватывал огонь. Прежде чем покинуть монастырь, она метнула несколько факелов на соломенные крыши, и те мгновенно загорелись.

– Почему ты защитила меня? – пробормотал я, взявшись за больное горло.

– Твоя история – твое личное дело, – отвечала она. – Человека надо судить по его поступкам, а не по прошлому, и для нас волчья кровь ничего не значит. Если ты и впрямь состоишь в родстве с Фенриром, многого добьешься. По крайней мере ты можешь сослужить мне службу. Сокровища святого Кутберта еще станут моими.

Если Ильва по-прежнему надеялась запустить руки в сокровищницу монастыря, это значило одно, о чем я не преминул высказаться:

– Вы пришли сюда с целью захватить и разграбить Эофорвик.

Королевский город бдительно охранялся и был обнесен высокой стеной. Сомнительно, что даже объединенным силам скандинавов по зубам эта задача.

– Если тебе удастся проникнуть в город, – продолжал я, – я понадоблюсь тебе для поисков сокровищ святого Кутберта.

– Не исключено, – ответила Ильва, пожав широкими плечами. – Этот монах предпочел, чтобы мы продемонстрировали нашу силу.

10

Утром мы вернулись к круговому форту, возведенному на пустоши. Всю ночь мне не давали покоя мысли о моей причастности к событиям, развернувшимся в монастыре, но угрызения совести как ветром сдуло, когда мы подошли к воротам лагеря. Могучий и властный Бьёрн Железнобокий стоял, скрестив руки на груди и преграждая нам путь.

– Ильва, где ты была? – обрушился на нас его рык. – С чего ты решила, что можешь взять с собой моего пленника?

Лицо Ильвы озарилось утренними лучами, когда она наклонилась вперед в седле и посмотрела сверху вниз на седобородого великана. Между ними возникло физически ощутимое напряжение. У ворот столпились воины, не желавшие пропустить такое зрелище.

– Ты беспокоишься о саксе? – спросила воительница.

– Твоя неблагонадежность волнует меня гораздо больше, – холодно ответил Бьёрн Железнобокий. – Я не одалживал тебе моего пленника для участия в грабеже.

– Ты называешь наш поход грабежом, хотя мы вернулись с пустыми руками?

– Нет, я называю это обманом, ибо ты вместе со своей дружиной, как и все мы, поклялась нападать лишь на те цели, что укажет Сигурд Змееглазый.

Бьёрн Железнобокий не был разгневан или взволнован, держался весьма прохладно и степенно. Он долго ждал этого момента и теперь говорил о свершившихся событиях с чинным спокойствием.

– Разве мы больше не свободны? – Ильва обратилась с этим вопросом не к Железнобокому, а к мужчинам, стоявшим за его спиной. – Отныне нам не позволено поступать так, как мы считаем уместным? Сакс добровольно вызвался участвовать в походе, который расстроил Бьёрна Железнобокого.

– Рольф не давал присяги. А ты, Ильва, давала. И ограбила монастырь, который тебе было поручено не трогать. Что касается отсутствия добычи, за фиаско отвечает руководитель похода. А значит, ты не только предательница, но и неудачница.

Воительница крепче сжала узду. Пятнадцать воинов выстроились за ее спиной полукругом. Со стороны это выглядело так, будто они стараются поддержать свою предводительницу. В действительности же они физически отстранились от нее, ожидая неизбежного наказания.

– Ты должен понимать, – прошипела Ильва, – что я не оставлю это оскорбление без внимания.

– Само собой, тебе дорога твоя честь, – ответил Бьёрн Железнобокий. – Так будь добра, защити ее прямо сейчас.

Ильва спрыгнула с лошади, выхватила меч и подняла щит. Я хотел крикнуть ей, чтобы она взяла свои слова обратно и предотвратила стычку, но взгляд ее близко посаженных глаз говорил, что уже поздно.

Два скандинава притащили огромную бычью шкуру, запятнанную давнишней кровью. Они расправили ее и прибили к земле деревянными гвоздями, воспользовавшись железными кольцами по краю. Противники зашли на шкуру и принялись наступать друг на друга с выставленным вперед оружием. Широкоплечая женщина проворно перемещалась на согнутых в коленях ногах. Седобородый воин тяжело переступал, загораживаясь щитом.

Ни для кого не стало неожиданностью, когда Ильва первая сделала выпад. Подстрекаемая собственным гневом, она взмахнула мечом и тяжелым ударом обрушила его на край щита соперника. В тот же миг Бьёрн Железнобокий боевым топором полоснул ей левую голень, оставив на коже красный след.

Лицо Ильвы перекосила гримаса боли. Она на мгновение качнулась, но осталась на ногах.

– Я пролил первую кровь, – взревел Бьёрн Железнобокий, – и предоставляю тебе право покинуть поле битвы.

– Я уйду, – гаркнула Ильва, сделав паузу для пущего эффекта, – когда ты повалишься в траву, ни секундой раньше.

С этими словами она бросилась в новую атаку.

Четверть круглого щита Бьёрна Железнобокого отлетела прочь, рассекая утренний воздух. Лезвие топора вновь блеснуло в руках у Бьёрна, но на этот раз Ильва предвосхитила удар и успела отпрыгнуть в сторону. Когда мощная фигура приблизилась к воительнице, та ткнула Бьёрна концом ножен, которые сами по себе вполне могли заменить оружие, в нижнюю часть позвоночника.

Седобородый гигант скорчился от боли, но не издал и звука. Он не переступил границы бычьей кожи, выпрямился и стал готовиться к очередной атаке.

Возбужденная зрелищем толпа отпихивала меня все дальше и дальше, пока я не оказался за пределами зрительского круга. Позади стоял Сигурд Змееглазый. На его мужественном лице с черной бородой и белым шрамом на лбу читалось исступление и воодушевление.

– Ты лидер войска, – обратился я к нему. – Почему не остановишь поединок?

– Никто не поблагодарит меня за это, – ответил он.

– А если Ильва поранит или убьет твоего брата?

– В таком случае она будет первой, кому это удастся, и на это стоит посмотреть. Но если Бьёрн потерпит поражение, Ильва избежит наказания. Справедлив лишь честный поединок, и они вовремя придут к согласию.

Судя по всему, Бьёрн Железнобокий решил избавиться от воительницы и в качестве повода воспользовался мной и моим рассказом о монастыре святого Кутберта.

– Вы заманили Ильву в ловушку, – возразил я. – И ты называешь это справедливым?

– Она могла бы удержаться от попадания в ловушку. Но все же нарушила клятву и теперь должна быть повержена. Ильва – член нашей семьи, но мы не можем допустить раскола в армии. Ее участь научит остальных держать слово.

Судя по всему, Сигурд Змееглазый повторял аргументы, которые использовал Бьёрн Железнобокий, чтобы посвятить в суть интриги своего заторможенного брата. Я сомневался, что он сам настолько глубоко задумывался над происходящим.

– А что будет делать дружина Ильвы, если ее убьют?

– Присягнет на верность ее убийце.

Я понял, что Бьёрн Железнобокий стремился заполучить в свое распоряжение группу из ста двадцати викингов, которыми сейчас руководила женщина. Уяснив это, я пришел еще к одному заключению.

– Ведь вам не нужен провожатый! – воскликнул я.

Сигурд Змееглазый промолчал. Он наблюдал за поединком.

– Значит, и теперь я вам не нужен, – продолжал я.

– Ты уже сослужил нам службу, – сказал он и вытянул шею. – И возможно, вскоре пригодишься снова.

Пока мы беседовали, грохот оружия Бьёрна Железнобокого и Ильвы, натыкающегося на щиты, сопровождали внезапные подбадривающие выкрики со стороны зрителей. Наконец два равных участника поединка притихли – они прервались, каждый обливался потом на своей половине бычьей кожи. Левая нога Ильвы была вся в крови. Кожаная штанина насквозь пропиталась кровью и потемнела.

– Ну что, старик, может, довольно? – спросила воительница.

– Я участвовал... в гораздо более... длительных поединках... чем ты когда-либо... сможешь осилить, – Бьёрн Железнобокий запыхался и бросал отрывистые фразы. – Но останови схватку первая. Если не справляешься с нагрузкой.

– Ты пожалеешь об этих словах.

В тот же миг раздался крик Хастейна, который наблюдал за поединком с высоты земляного вала. Он указывал на юг. Примерно в миле от лагеря через открытую холмистую пустошь от опушки леса тянулось войско. Шлемы и мечи сверкали в свете восходящего солнца. Впереди толпы пехотинцев, слившихся в единую массу цвета серого металла, к лагерю направлялся отряд из девяти сотен всадников.

– Наконец объявились саксы, – крикнул Хастейн. – Их не меньше тысячи.

Долгожданное появление армии саксов пробудило беспокойную деятельность в стане северян. Все озаботились подготовкой оружия. Противоборство Ильвы и Бьёрна отошло на второй план. Поскольку они оба были облачены в доспехи, им оставалось стоять и следить за движением врага.

– Ты легко отделался, – заметила Ильва.

– Посмотрим, кто в конечном итоге отделается легче, – возразил Бьёрн.

Воительница, хромая, направилась к своей дружине и вскочила в седло.

Замкнутая группа из шестнадцати всадников спустилась с холма навстречу врагу, чтобы пресечь его намерения.

Я остался наедине с Бьёрном Железнобоким посреди вересковых зарослей.

– Так вот в чем причина клятвы, к которой вы принуждаете ваших воинов, – обратился я к его широкой спине и показал пальцем на саксов.

– Почему ты так решил, пленник? – прогремел Железнобокий, не проявляя особого интереса к моему ответу. И все же я ответил:

– Ваше войско состоит из людей со всех концов королевства. У каждой группы – свой ярл, командам которого подчиняются воины, подобно тому, как дружина Ильвы подчиняется лишь ей. Все поклялись нападать только на небольшие народности и селения, где и грабить-то нечего, так что у воинов не возникает соблазна отправиться с добычей домой. Именно так вы добивались единения войска, ожидая, пока саксы соберут армию. А теперь вы заставляете врага атаковать вас на вами же выбранной местности.

– Хастейн, кажется, говорил, что ты шустрый малый. – Обрамленное седой бородой лицо Бьёрна не выражало ни единой эмоции. – Видимо, он не ошибся. И все-таки ты уловил не все.

Сигурд Змееглазый пробежал мимо во главе группы вооруженных до зубов викингов. Его мужественное лицо выражало максимальную концентрацию, черная коса хлестала по спине в такт движению. На поле битвы он явно чувствовал себя в своей стихии. В бою от его медлительности не оставалось и следа. Хастейн тоже пронесся мимо нас.

– Ты с нами, Рольф Дерзец? – крикнул он на ходу.

– Ты останешься здесь, пленник, – гаркнул Бьёрн. – Если я вернусь и обнаружу, что тебя нет, ты нигде не сможешь чувствовать себя в безопасности.

У сыновей Лодброка по-прежнему имелись на меня какие-то планы. В данный момент это служило лучшей гарантией того, что я останусь в живых. С верхушки земляного вала я наблюдал, как сходятся две армии.

Викинги явно были в меньшинстве. Единственным их преимуществом являлось то, что они спускались с холма. Часть северян вообще осталась в лагере, где они растягивали луки, затачивали стрелы и, судя по всему, следовали заранее и тщательно разработанному плану.

В полумиле от лагеря два войска встретились, держа наготове щиты. Когда между армиями противников осталось совсем небольшое расстояние, воины притихли. В воздухе висела злоба. Многим не терпелось издать боевой клич. Наконец в небеса взвился мощный рык. Две стены из щитов столкнулись с грохотом, донесшимся до моего слуха с секундным опозданием.

По опыту я знал, насколько жутко и опасно стоять лицом к лицу с врагом, отгородившись лишь стеной из щитов. Однако с относительно безопасного места на земляном валу напряжение, возникшее между двумя армиями, встретившимися посреди бескрайнего простора, казалось вздорным и даже комичным. Стадо диких коз мирно паслось в зарослях вереска. Из низин доносилось пение птиц, в изобилии населявших светло-зеленые кроны деревьев.

Саксы, превосходившие соперника по численности, пытались обойти стену из щитов и атаковать неприятеля с флангов. Ильва со своими воинами, искусно уворачиваясь от копий и стрел, заставила саксов отступить. Воительница галопом помчалась в тыл их армии и увлекла за собой всех всадников вражеского войска, освободив от них поле боя.

Посреди стены щитов виднелись желто-красные одеяния Сигурда Змееглазого рядом с крупной серой фигурой Бьёрна Железнобокого. Оба усердно бились, множество врагов полегло от их оружия. Серебро блестело на предплечьях Сигурда всякий раз, как он взмахивал мечом. Саксы, несмотря на численный перевес, начали отступать.

Без всякого предупреждения двое из оставшихся в лагере викингов протрубили за моей спиной в рог, огласив пустошь зычным сигналом. Лучники мигом составили мне компанию на земляном валу. Почти мгновенно армия северян начала стягиваться в одну точку. Их щитовая стена вскоре распалась. Воины возвращались в лагерь бегом, преследуемые по пятам врагами, которые ревели, возбужденные победой. Однако едва саксы приблизились на расстояние выстрела из лука, на них посыпался град стрел, и им пришлось отступить, унося раненых. Они не осмеливались приблизиться вплоть до момента, когда ворота лагеря закрылись за последним воином.

Викинги быстро распределились по верхушке земляной насыпи. По их непринужденному веселью я понял, что речь шла об инсценировке поражения. Вот, что имел в виду Бьёрн Железнобокий, говоря, что я уловил не все. Он предпочитал побеждать не в сражении на открытом месте, а на этапе обороны лагеря. Я не понимал смысла столь опасного маневра, как и того, почему двое трубачей продолжали с помощью своих инструментов оглашать окрестности тоскливыми звуками – они словно посылали сигнал кому-то, находящемуся далеко.

Лагерь был осажден. Под твердой крышей своей клетки я находился в относительной безопасности, когда на палатки градом сыпались стрелы саксов. Остальным обитателям лагеря приходилось прикрываться щитами. Было много раненых. Продовольствие подходило к концу. Тем не менее северяне пребывали в приподнятом настроении.

В перерывах между атаками они напивались и обжирались, будто лагерные запасы были неисчерпаемы.

Вскоре энергия осаждающих пошла на убыль. Саксы начали уповать на то, что рано или поздно, когда у нас не останется еды и выпивки, победа будет за ними. Это могло случиться в любой момент.

Каждый вечер у костров рассказывали чудесные истории о незабываемых битвах и грабежах, весьма полезные для такого профана, как я, пытающегося осмыслить беспечность северян. Особенно интересна оказалась история, которую после многочисленных просьб рассказал Сигурд Змееглазый на пятую ночь осады. Костер, вокруг которого собрались воины, находился рядом с моей клетью, и я внимательно слушал, припав ухом к дырке от сучка.

– Рагнар Лодброк был великим ярлом в период краткого правления Харальда Клака, – приступил Сигурд к рассказу. – И потому король отправил его в восточную часть своих владений, дабы обуздать мятежных жителей Сконе.

Группа викингов, сидевших справа от чернобородого ярла, заволновалась и зароптала.

Благообразный мужественный предводитель армии развел руки в стороны, изображая удивление. Но он был плохим актером.

– Неужели здесь присутствуют сконцы? – громко спросил он, когда в него полетели обглоданные кости и другие объедки. – Ну, тогда мне придется пропустить отцовское описание бунтовщиков. Я не хотел никого несправедливо оскорбить.

Рукоять щита Сигурда Змееглазого была покрыта драгоценным металлом. Пламя костра отражалось на кольце из двух переплетенных змеек, опоясывающем эфес меча. Золотая булавка на воротнике была начищена до блеска, по краю серебряной кружки переливались стеклянные бусины. Чернобородый ярл сверкал, как водная гладь на солнце. Естественно, его благородная внешность была призвана поддерживать боевой дух воинов, и он не скрывал этого. После дружественных вступительных замечаний он сконцентрировался на повествовании.

– Рагнар большое внимание уделял тому, чтобы ко всем относиться справедливо, а потому сначала пытался образумить сконцев словами. Однако они упорно не желали умерить строптивость, оскорбляли его посольных и всячески издевались над ними. Так что в конце концов ему ничего не оставалось, как победить повстанцев в битве. Только он не захотел просить помощи у короля, а обратился к Лагерте, которая прислала ему сотню кораблей с воинами.

– И как можно в это верить, – прошептал рядом мягкий голос. Ильва села около двери моей клетки. Она молчала, пока Сигурд рассказывал об отзывчивости Лагерты, объясняемой тем, что она по-прежнему любила Рагнара за его великую честность, хотя он и был теперь женат на дочери короля свеев, Торе, а сама она состояла в браке с норвежским ярлом.

– Этот самый норвежский ярл был другом Рагнара Лодброка, – чуть слышно пояснила Ильва. – И Рагнару помог он, а не моя бабка.

Я тщетно силился понять, чего добивалась воительница, обращаясь ко мне. Я сидел в темнице, полностью изолированный с того момента, как саксы напали на лагерь. Даже слуге, который раз в день приносил мне миску теплой каши и чашку воды, было приказано не вступать со мной в беседу.

– Отец собрал воинов, – продолжал Сигурд Змееглазый свое повествование у костра, – и после достойного предупреждения, давшего сконцам возможность подготовиться к сражению, вступил в битву с ними на равнине под названием Ульдагер. Моему старшему брату Ивару Бескостному было тогда всего десять лет, но ради справедливости стоит отметить, что в его юношеском теле заключалась сила зрелого воина. Он размахивал мечом направо и налево и расправлялся с каждым, кто осмеливался приблизиться к нему. Так рьяно, что вскоре вокруг него образовался целый круг трупов. Мне отец приказал ждать у кораблей, что сам я считал совершенно неразумным, хотя мне и было в ту пору

всего семь лет.

Я удивился – неужели скандинавы считали нормальным делом брать малолетних детей на войну?

– Лагерта понимала, – шепот Ильвы пресек мои размышления, – что Рагнар проиграет сконцам, и недалёковидность мужа может стоить ей жизни. Она провела группу викингов в тыл к повстанцам и в тот миг, когда враги были готовы прорвать оборону викингов, обрушилась на них сзади. Сконцы перекинулись на скромную группу воинов с ней во главе и преследовали ее до лежащего неподалеку луга, где образовалась естественная круговая насыпь. Там Лагерта позволила противникам окружить войско и успешно оборонялась до тех пор, пока Рагнар Лодброк не мобилизовал силы и не подготовился к новой атаке.

– То есть, пока сконцы атаковали Лагерту, – отозвался я, постепенно осознавая параллели с нынешней ситуацией, – Рагнар Лодброк подобрался к ним с тыла. В итоге сконцы оказались в кольце: в центре – войско Лагерты, а с внешней стороны – армия Рагнара?

– Точно, – подтвердила мою догадку Ильва. – И, само собой, они продержались недолго, прежде чем сдаться. Но без хитрости Лагерты не было бы никакой победы на Ульдагере. Рагнара Лодброка ждали неминуемое поражение и гибель.

Сигурд Змееглазый излагал несколько иную версию хода битвы. Пока он в красочных подробностях рассказывал о доблести своего знаменитого отца, главного героя того дня, Ильва продолжала:

– На победном пиру супруг Лагерты весь кипел от злости. Он ощущал себя болваном, которого позорно спасла собственная жена. И когда посреди празднования он принялся всячески издеваться над ней, терпению Лагерты пришел конец, и она проткнула ему горло мечом. Над его телом она объявила, что, будучи убийцей ярла, становится законным собственником его владений. Таков обычай в Норвегии. Это не понравилось Рагнару Лодброку. Но приятель его слыл властолюбивым скрягой, а моя бабка щедро заплатила норвежцам, чтобы заручиться в своем требовании их поддержкой. Рагнар обратил ситуацию себе на пользу, заявив, как сильно льстит ему любовь бывшей супруги, столь самозабвенная, что Лагерта не в состоянии вынести совместную жизнь с другим

мужчиной. Моей бабке удалось удержать владения ярла в своих руках, и она распоряжалась ими гораздо разумнее и мудрее, чем иной мужчина.

– Ильва, может, лучше займешься ногой, вместо того чтобы рассказывать всякие небылицы? – прервал ее зычный голос.

Рядом с клетью буквально вырос из тьмы Бьёрн Железнобокий.

– Я слушаю Сигурда Змееглазого, – ответила Ильва. – Он так увлекательно рассказывает о моем знаменитом деде!

– Раз ты называешь его рассказ увлекательным, значит, долго сидишь у дома нашего пленника.

Железнобокий гнусавил и растягивал слова. Он уже как следует напился, и теперь ему хотелось затеять ссору. Ильва поступила мудро – поднялась и, прихрамывая, удалилась в темноту.

Вдали слышались голоса Сигурда Змееглазого и воинов, собравшихся у костра. Я думал, что Бьёрн Железнобокий отправился бродить по лагерю дальше, так что когда он вдруг снова что-то сказал, я вздрогнул. Меня отделяла от него лишь деревянная дверь толщиной не более дюйма.

– Ты ведь понимаешь, что Ильва хочет настроить тебя против нас, сыновей Лодброка? А? Что скажешь, пленник?

Видимо, устами седобородого воина двигал хмель, ибо обычно его не волновало мнение окружающих. Находясь под влиянием алкоголя, он не скрывал глубокой озабоченности тем, что я слушал Ильву. Но, в отличие от нее, я не мог встать и уйти. Мне предстояло проявить осторожность.

– Как ты сам сказал, я лишь пленник, – ответил я. – Мои мысли не имеют никакого значения.

– Ерунда! Если бы я сомневался в твоей благонадежности, тебя уже не было бы на свете.

Он принялся трясти дверь и возиться с задвижкой. В тот момент мне было сложно представить себе, какую роль играет моя благонадежность, но угроза моему существованию обнаружилась вполне очевидно.

– Я не против выслушать обе версии истории, – поспешил высказаться я. – Это полезно, когда пытаешься выяснить, что происходит на самом деле и почему люди поступают так, а не иначе.

Рев седобородого великана оказался красноречивее слов. Я пришел к выводу, что он принял мой ответ. Подтверждая правильность моей догадки, он оставил дверь в покое и больше не нарушал тишину. Мы оба слушали окончание истории Сигурда Змееглазого.

– Группа расстроенных сконцев обманным путем захватила корабли отца. Дозорные бежали, как последние трусы, и я был вынужден в полном одиночестве защищать флот от нападавших. Я получил жуткое ранение в глаз и был перенесен в один из ближайших дворов, где обо мне позаботилась мудрая женщина. Отец был вне себя от вероломности сконцев, но ничем не мог мне помочь. И тогда ко мне явился человек и пообещал исцелить меня, если всех врагов, которых мне когда-либо удастся одолеть в бою, я посвящу ему. Он назвался Ростером, и когда отец увидел, что человек этот одноглазый, понял, что перед нами переодетый Один. По своему обыкновению, глава всех богов явился, чтобы созвать воинов на защиту Вальгаллы.

– Ну, тут он малость присочинил, – усмехнулся Бьёрн Железнобокий. – Спасителем Сигурда был воин по имени Бодди, обладавший особым даром врачевать раны.

– А почему твой брат утверждает, что это был Один?

– Эту историю ему рассказывал отец, который всегда стремился подкрепить собственную славу связью с верховным богом. Старая песня.

Последнее замечание вызвало у меня гораздо большее удивление, нежели альтернативная версия истории. Я давно понял, что рассказы викингов не всегда стоит принимать за чистую монету, но голос Бьёрна Железнобокого прямо задрожал от презрения, и у меня возникло ощущение, что он не питал теплых чувств к своему знаменитому отцу.

Тем временем Сигурд Змееглазый завершал у костра свое повествование:

– Общее количество трупов сокрушенных мною врагов показалось отцу вполне справедливой ценой за мою жизнь. Одноглазый ненадолго приложил ладонь к моей ране, и в течение нескольких следующих дней я полностью поправился.

– Полностью? – уточнил язвительный сконец из числа слушателей. Его товарищи ехидно заулыбались.

– У меня на лбу остался шрам на память, – пояснил чернобородый ярл, – а левый глаз имеет отметину, которую все вы видели, и из-за которой я получил прозвище «Змееглазый».

– Вообще-то после такой сильной травмы легко повредиться в уме, – не унимался сконец. – Но ты, видать, никогда за собой такого не замечал?

На этот раз над шуткой рассмеялись в открытую.

– Сейчас я расскажу тебе, что я заметил.

Сигурд Змееглазый резко поднялся, сделал два шага вперед и ткнул весельчака в лицо сапогом, обитым железом. Раздался странный звук, будто кусок дерева переломился под влажной тряпкой.

– С того случая на Ульдагере мне всегда было невероятно трудно удержаться и не выбить зубы тому, кто позволяет себе оскорбительное поведение по отношению к окружающим, издевается над ними. Я стараюсь подавить в себе это желание, но в такие моменты оно занимает все мои мысли.

Сконец, отброшенный ударом на несколько шагов назад, безмолвно лежал в примятой траве. Над бездыханным телом летал ветерок. Никто больше не смеялся.

– Отец заключил со сконцами мир, который устраивал обе стороны, – продолжал Сигурд Змееглазый. – Поэтому небольшая группа воинов из тех краев сидит сейчас вместе с нами, готовая помочь сразиться с общими врагами. Давайте надеяться, что они не дадут нам поводов пожалеть о некогда принятом

решении, ибо мне будет сложно отказаться от мести за подлый поступок.

Возбужденные крики данов и норвежцев почти заглушали заверения сконцев в вечной преданности. Волнение толпы прервал жалобный сигнал рога, прокатившийся по ночному ландшафту.

В суматохе, поднявшейся в лагере после сигнала, голоса людей слились с топотом множества бегущих ног. Я не мог понять, что происходит. Вскоре щеколда на дверце моей клетки открылась, и надо мной склонился Бьёрн Железнобокий. Резкий запах полупереваренного пива смешивался с вонью моих собственных испражнений.

– Сейчас ты увидишь, чего мы ждали, – прогрехотал седобородый гигант и вытащил меня наружу. Восточная часть затянутого тучами неба начала светлеть. Викинги бежали к границам лагеря. Мы примкнули к ним.

Армия саксов основательно расположилась позади наскоро возведенных укреплений из заостренных жердей и терновых ветвей. Они осаждали нас в течение пяти суток. Тыл их лагеря не был прикрыт, ибо они не рассчитывали на то, что кто-то нападет на них сзади. И все же это произошло.

Еще никогда мне не приходилось видеть такое огромное количество людей, собравшихся в одном месте, – я даже не представлял себе, как мир мог их всех вместить. Группа пехотинцев буроватым потоком устремилась на холмы, возвышающиеся посреди равнины. Над вересковой пустошью высоко в небо взвились знамена с изображением воронов, коней и солярных знаков, будто знаменосцы хотели проткнуть нижнюю часть туч.

Вновь прибывшее войско насчитывало две с половиной тысячи воинов. Под покровом ночи всадники сомкнули свои ряды вокруг саксов, точь-в-точь как, по словам Ильвы, поступила Лагерта на Ульдагере. Вполне возможно, сыновья Лодброка разработали свою стратегию, вдохновившись легендой, хотя они, несомненно, стали бы отрицать это. Кольцо викингов вокруг противников становилось все толще, пехотинцы тоже постепенно стягивались к лагерю. И вот саксы оказались лицом к лицу с соперником, значительно превосходящим их по численности. Вновь пришедшие викинги начали угрожающе стучать оружием по щитам. Высокий рыжебородый воин не спеша гарцевал перед крайним рядом викингов на белом жеребце с длинной гривой и мохнатыми копытами.

– Наконец он прибыл, – сказал Хастейн, разводя руки в стороны.

– Кто? – не понял я.

– Мой брат, Ивар Бескостный, – прогнусавил Бьёрн Железнобокий, дав понять, что испытывает умеренную радость от встречи с братом.

Вместе с воинами, находившимися в лагере, войско Ивара Бескостного к полудню запросто могло бы перебить тысячу саксов. Между тем, цель их визита явно была иной. С верхушки насыпи мы в течение первых утренних сероватых часов наблюдали, как посыльный курсирует между армиями, предлагая оставить оружие и обсудить условия мирного договора. В конце концов саксы сдались и, опозоренные, потянулись по узкому коридору из щитов обратно на опушку, где объявились девять дней назад. Лишь когда поздним утром они скрылись из глаз, Ивар Бескостный с двумя другими всадниками отделился от войска и направился к лагерю.

– Вон там, – сказал Хастейн и указал на мужчину в светлой куртке, ехавшего справа от рыжебородого ярла, – Хальфдан.

– Витсерк, – припомнил я из нашей ночной беседы в палатке и тут же вспомнил источник прозвища младшего сына Лодброка: он мылся каждый день и почти каждый раз менял после этого рубаху. – А кто второй мужчина?

– Мужчина – слишком громкое слово, – заревел Бьёрн Железнобокий, покачнувшись, – для нашего сводного брата Уббе.

– Не кто иной как Уббе каждое утро бреет Хальфдана Витсерка и стирает ему одежду, – пояснил Хастейн. – Хальфдан всегда говорит, что вряд ли позволит кому-либо, кроме брата, так близко подойти к своей шее.

– Но разве вас не четверо братьев? – выразил я недоумение и посмотрел на круглоголового и коренастого Уббе, пятого сына Лодброка, совсем не похожего на братьев.

– Уббе никто не принимает в расчет, – заявил Бьёрн Железнобокий. – Нашему отцу его родила фризская пленница, а не королевская дочь, мать Ивара

Бескостного, Сигурда Змееглазого и Хальфдана Витсерка.

– Дочь короля свеев, Тора, – снова вспомнил я. – Не Лагерта.

– Ни та ни другая! – Хастейн улыбнулся и откинул со лба светлую челку. – Лагерта – мать Бьёрна Железнобокого и бабка Ильвы, как тебе уже известно. Тора – та, что завела драконов, – умерла в юности и не оставила после себя сыновей. По крайней мере тех, что дожили бы до сего дня. Ивар Бескостный, Сигурд Змееглазый и Хальфдан Витсерк рождены другой королевской дочерью, с которой Рагнар встретился уже после смерти Торы. Ее зовут Аслауг, она поныне живет и здравствует.

Я растерянно смотрел на улыбку, появившуюся на тонких губах. Его забавляло мое замешательство.

– Рагнар Лодброк не пропускал ни одной женщины, оказавшейся поблизости, об этом сложено много занятных историй. Погоди, Рольф Дерзец.

Ощущая на одном плече легкую руку Хастейна, а на втором тяжелую пятерню Бьёрна, я наблюдал за приближением Ивара Бескостного. На его рыжебородом лице светилась широкая открытая улыбка. По ликованию воинов и реакции Сигурда Змееглазого я понял, что Ивар Бескостный – настоящий глава армии. Он не только держался с большим достоинством. Во взгляде его кристально-синих глаз угадывался острый ум, с которым мне вскоре суждено было познакомиться ближе. Когда встретились два ярла, Сигурд Змееглазый протянул свой меч рукояткой вперед.

– Вы пришли как раз вовремя, – сказал он. – Мы прождали вас гораздо дольше, чем было оговорено.

– Сожалею, – ответил Ивар, тем же жестом выставив вперед свой меч в знак доброжелательности. – Мы задержались в пути.

– Но вам с королем саксов удалось прийти к соглашению?

– В некотором роде. Мы встретимся с ними здесь же послезавтра. Саксы должны доставить нам отца.

– Отца? – переспросил Сигурд Змееглазый и стушевался. – Ты имеешь в виду, его тело?

Лицо Ивара Бескостного исказилось гримасой досады, обнажив его истинные эмоции, но он тут же поспешил улыбнуться.

– Если он действительно мертв, – уточнил он, предпочтя не вдаваться в подробности. Он привстал в седле и, повысив голос до бодрого крика, обратился к собравшимся на валу:

– И тогда мы все вместе отомстим за Рагнара Лодброка! Что скажете?

Многочисленные воины заревели и застучали мечами и топорами по щитам в громогласном приветствии.

Осень 861 года

Лес – мой дом. И потому я испытываю глубокое потрясение, когда он становится источником моих неприятностей.

Сколько себя помню, я всегда комфортно чувствовал себя под кронами деревьев. Я редко бываю на поляне в хижине, где вырос, и где мы с матерью живем. Я с радостью подчиняюсь, когда мама, ожидая чьего-нибудь визита, просит меня отправиться в лес – не важно, ждет ли она мужчину, готового щедро одарить ее за несколько часов, проведенных в ее постели, или женщину из селения, желающую исцелиться от какого-то недуга. Жители Тевринтона меня совершенно не интересуют. Я избегаю их. Мы с ними даже говорим на разных языках.

Зато я прекрасно владею языком животных. С ними общаться гораздо проще, чем с людьми, у которых на уме вечно невысказанные смыслы, подразумеваемые правила и скрытые намерения. Мои товарищи по играм – волчата, с ними я бегаю по лесу наперегонки. Я следую за этой стаей уже много лет и знаю всех ее членов.

Однажды я попробовал молоко крупной волчицы, окрещенной мною Хроу по звуку, который она издает, когда ей хорошо. Когда я кончиком носа искал сосок у нее на брюхе, мое обоняние потряс резкий запах земли и мускуса, исходивший от ее шкуры. Когда я наконец нащупал небольшой бугорок и принялся сосать горьковатое молоко, Хроу зарычала, непривычная к прикосновению человеческих зубов. В конце концов она меня укусила. Рана оказалась неглубокой, и я знал, что укус не был проявлением неприязни с ее стороны.

Для нее я не был ребенком, ведь мне было почти столько же лет, сколько ей самой.

В тот момент, когда лес оказался для меня враждебным и моя жизнь круто изменилась, мне было десять лет.

Я иду домой после совместной с волками охоты на зайца. Я еще чувствую вкус свежей соленой крови во рту. Мои босые ноги шелестят по высокой траве, которой поросла поляна. Передо мной уже выросла покрытая соломой крыша хижины. Вдруг у меня под ногами изворачивается что-то длинное. Я ощущаю острую боль в лодыжке, и в тот же миг вся нога начинает гудеть, словно под кожей ползают сотни муравьев.

Услышав мой вскрик, мать выходит на порог хижины. Она видит, как я падаю, а затем, покачиваясь, силюсь встать. Она рукой прикрывает глаза от солнца.

У моей матери длинное узкое лицо с мягкими губами и серо-голубыми глазами, обрамленное непослушными кудрявыми светлыми волосами по плечи. Волосы у нее никогда не отрастали длиннее, так как она подстригала их, как только они начинали доставлять неудобство. Она красивая, хотя я об этом не думаю, и я очень люблю ее, хотя мне никогда не приходит в голову сказать ей об этом. Она опирается на дверной косяк и смеется, видя мои попытки устоять на ногах. Она думает, что я дурачусь.

Лишь когда меня начинает безудержно рвать, она понимает серьезность происходящего. К этому моменту ступня так сильно распухла и стала настолько чувствительной, что я не мог наступить на ногу. Отек стремительно распространяется вверх. На коже вокруг змеиного укуса образуются волдыри. Когда мама подбегает ко мне, я уже насквозь мокрый от пота. Она несет меня к хижине, я задыхаюсь. К счастью, матери хватает присутствия духа выдернуть из

крыши соломинку и вставить ее мне в горло. В противном случае я вряд ли бы выжил, так как мой язык увеличился и вскоре стал таким огромным, что уже не помещался во рту. Я принимаюсь со свистом жадно вдыхать воздух через соломинку. Лишь спустя двое суток отек начал спадать. Все это мать рассказала мне позже. Все эти дни я был без сознания.

Когда наутро третьего дня я уже могу смотреть сквозь щелочки опухших глаз, замечая, что деревянное распятие, всегда висевшее на стене над кроватью, исчезло. Вместо него появились статуэтки языческих богов. Грубо обработанные деревянные фигурки, влажные от свежей крови. Маленькое мохнатое тельце с перерезанным горлом лежит перед ними. Это козленок из загона, примыкавшего к задней части дома.

Мать осторожно вынимает соломинку из моего горла. Я не осознаю, насколько был близок к смерти. Мои мысли заняты кое-чем другим.

– Ты принесла в жертву своим богам одну из наших коз?

Упрек, прозвучавший в моих словах, заставляет ее нахмурить светлые брови. Возможно, это реакция на то, что я назвал Одина и Тора «ее богами».

Она всегда старалась заставить меня больше верить – поклоняться им, приносить жертвы, почитать их и бояться, ползать ради них в пыли и просить у них помощи во всем, как делала она сама. Но я не видел доказательств того, что единый бог сельчан или многоликий пантеон матери имеет какую-то власть в лесу. Звери полагаются лишь на собственные способности, так почему я должен поступать иначе? У волков я научился охотиться. У зайцев – быстро бегать. У оленей – бесшумно ступать по земле. Пока я не умею летать, как птицы, но думаю, это вопрос времени.

– Это приключилось с тобой из-за недостатка веры, – сердито заявляет мать. – Локи – единственный из богов, который является в змеином обличье. В нем, как и в тебе, течет волчья кровь. Он хотел дать тебе понять, что пора вырасти и начать серьезно воспринимать вещи, без которых невозможно обойтись.

– И без чего же я не могу обойтись?

Она обреченно вздыхает.

– Старые боги капризны, но их можно уговорить прийти на помощь, если приносить жертвы. Белый Христос жесток, непреклонен и ревнив, он ненавидит остальных богов и неустанно поддерживает своих почитателей. Именно поэтому многие обратились к нему. Но другие люди, как и я, считают, что разумнее ладить со всеми богами, и я хотела бы, чтобы ты поступал именно так. Тебе исполнилось десять лет. Ты уже не ребенок.

Это самое длинное наставление, с которым она когда-либо ко мне обращалась. Многословие подчеркивает важность назидания.

– Я прекрасно знаю этих древних богов, – отвечаю я, ибо долгими зимними ночами слушал ее истории о мудром одноглазом Одине, его сыне Торе, который катится по небу на своей колеснице и ударами молота порождает гром, и о других богах, что живут в Асгарде и редко являются в мир людей. – Но ты никогда не рассказывала мне о Белом Христе.

Она краснеет и признается, что не может рассказать никаких подробностей, так как сама толком ничего не знает.

– Как ты знаешь, я родом из страны данов, – объясняет она. – А там поклоняются старым богам. Но здесь, в Англии, Белый Христос обладает великой силой, и было бы замечательно, если бы ты знал о нем побольше. Я давно размышляю, не отправиться ли тебе в Тевринтон, к людям, которые знакомы с ним ближе.

– Но я не говорю на их языке.

– Я могу научить тебя. Когда я покинула родину и оказалась здесь, я совсем не говорила по-саксонски. Но наши языки не сильно различаются, потому что саксы ведут происхождение от англов и ютов, которые пришли сюда несколько веков назад. Главное – научиться по-разному произносить слова.

– То есть я должен покинуть тебя? Покинуть лес?

Мать бледнеет и смотрит на меня взглядом, полным страха: прежде она не подпускала эту мысль так близко к себе.

– Здесь ты можешь вновь наткнуться на Локи, – пытается она обосновать возникшую идею. – И он наверняка опять тебя укусит. Мы ведь уже говорили о том, что боги капризны.

Я гляжу на мертвого козленка.

– Может ли Локи в обличье змеи прокусить козью шкуру?

Мать смотрит на меня долгим взглядом, затем целует в лоб.

– Какой ты смысленый, мой подросший мальчик!

Каждый год с приближением зимы я провожаю волков до опушки леса, где начинаются поля. Этой осенью волки с любопытством принимают к моим новым башмакам из козьей кожи. В остальном все как обычно. Правда, меня сильнее, чем прежде, тянет двинуться вслед за волками на юг. Я все еще помню речь матери о богах. И хоть мать больше не возвращается к ней, я не могу не замечать, что она смотрит на меня новым взглядом. Она права в том, что я взрослею. Мы оба знаем – что-то должно случиться. Как заяц, замерший в надежде не быть обнаруженным, мы затаились и полагаем, что все завершится само собой.

Я прощаюсь с волками долго, с каждым по очереди. Я знаю волчат с той поры, когда они были крошечными комочками меха с когтями и целиком помещались у меня на руках. Теперь это подросшие молодые звери, готовые к обретению собственного жизненного опыта. Я знаю, что весной, когда они вернутся, лишь половина из них останется в стае, поэтому трусь щеками об их морды и печальным рыком провожаю каждого. Когда очередь доходит до Хроу, я запускаю пальцы в ее шерсть и утоляю печаль в резком запахе ее шкуры. Когда волки уходят по полю, Хроу несколько раз оглядывается, словно просит меня заботиться о себе. Когда стая скрывается из виду, я отправляюсь домой и по пути наступаю на яблоко, пролежавшее на лесной подстилке так долго, что успело превратиться в комок слизи, но продолжает пробуждать большой интерес у насекомых. Осы, сидящие внутри, немедленно нападут на меня с таким рвением, на какое способны осенью, опьяненные полусгнившими фруктами и отчаянным предвкушением скорой смерти.

Почти мгновенно у меня распухают конечности. Колющее ощущение во всем теле напоминает о летнем змеином укусе. Я тру ужаленные места мхом – всегда так делал, но на этот раз симптомы усугубляются. Когда у меня начинает отекать горло, я нащупываю кусок тростника, с некоторых пор постоянно висящий у меня на шее на кожаном шнуре.

Я все еще нахожусь в сознании и могу пробираться через лес к дому. Меня не рвет, но вид распухшего лица с открытым ртом, из которого торчит тростниковая трубочка, заставляет мать вскрикнуть, когда я наконец добираюсь до хижины. С ужасом во взгляде она вновь бросается доставать фигурки богов. Я успеваю остановить ее, когда она намеревается зарезать еще одного козленка. К чему тратить хорошую пищу на капризных божков, которые все равно поступают, как хотят?

Уже на следующее утро я вытаскиваю из горла тростник и могу дышать нормально. И все же я наконец понимаю то, что еще раньше поняла мать, которая сидит на скамеечке у двери нашей хижины и печально глядит на меня.

– Я больше не могу оставаться в лесу, – признаю я.

Она выдыхает с облегчением – я сам осознал необходимость уйти.

– Если насекомые для тебя опасны так же, как змеи, – говорит она, – тебе нельзя жить в Тевринтоне. Жители этого селения разводят пчел. Коровы и лошади привлекают оводов и слепней. Осы вьются повсюду.

– Куда же мне идти? – спрашиваю я.

Мать мрачно смотрит на меня.

– В Креку, в монастырь святого Кутберта.

В тот же день она начинает учить меня наречию саксов.

Часть вторая

Тело лежало на столе, представлявшем собой положенную на козлы деревянную доску и покрытом белой тканью. Под тонкой материей угадывались очертания человеческой фигуры: лицо с выступающим носом, грудная клетка, живот и ноги с торчащими ступнями.

У стола стояли двое мужчин в отполированных кольчугах. На голове одного красовалась корона из позолоченной бронзы, второго – шлем с серебряным ободком. Первому – коренастому, толстому и плешивому – на вид около сорока лет. Второй был лет на десять помоложе, с темной остроконечной бородкой. С противоположной стороны стола стояли Ивар Бескостный, Сигурд Змееглазый и их младший брат Хальфдан Витсерк. Рыжие волосы и борода Ивара резко контрастировали с его веснушчатой кожей и длинной синей накидкой. На фоне черной бороды и волос Сигурда еще сильнее бросалось в глаза обилие на нем сверкающих украшений. Хальфдан Витсерк был вымыт и опрятен: белая куртка, коротко подстриженные русые волосы, гладко выбритый подбородок.

Пятеро мужчин молча ждали под парусом, натянутым на жерди и исполнявшим роль навеса от солнца. Все пятеро были безоружны, но в ста шагах от них выстроилась армия саксов, над которой реяли два знамени: на одном изображен белый крест на черном фоне, на втором – кроваво-красный боевой топор на белом фоне.

Бьёрн Железнобокий широкими шагами направлялся через вересковую пустошь к месту действия. Крепко сжимая мое плечо мощной рукой, он тащил меня за собой. Несколько мгновений ранее седобородый великан вывел меня из рабской клетки и без объяснений увлек за собой. Тишину безоблачного дня нарушало лишь колыхание растянутого на ветру паруса, звук наших шагов по

траве да одинокое пение жаворонка где-то в вышине. На насыпи за нашими спинами сидели или стояли в молчаливом ожидании тысячи викингов. Бьёрн Железнобокий прошел под парус и встал рядом с братьями. Он толкнул меня к двум мужчинам, стоявшим с противоположной стороны стола.

– Будешь нашим переводчиком, парень, – сказал он и сложил руки на животе, не обращая на меня внимания.

– Король Элла, – Ивар Бескостный на скандинавском языке обратился к мужчине средних лет с короной на голове.

– Я Элла, – перебил его более юный спутник с остроконечной бородкой, отреагировав на звук своего имени. Выражение его лица под шлемом с серебряной окантовкой было суровым и напряженным. Все обратили на него свои взгляды.

– Переводи, парень, – прорычал Бьёрн Железнобокий.

Наверняка седобородый великан и сам прекрасно говорил на языке саксов, но я подумал, что его братья не преуспели в изучении иностранных языков, раз возникла необходимость в переводчике.

– Он говорит, что Элла – это он, – сказал я.

– А кто тогда этот боров? – поинтересовался Ивар Бескостный.

В течение двух дней, последовавших за капитуляцией саксов, сквозь дырочку в доске я видел, как высокий рыжебородый ярл разъезжал на жеребце по лагерю. Яркие цвета, маячившие среди палаток, бросались в глаза с большого расстояния. Он носил массивные серебряные браслеты, как и его братья, и никто не сомневался в том, что предводителем армии викингов является этот благородный человек. В отличие от других высокопоставленных особ, высоко задиравших нос и надменно отстаивавших свои права, Ивар Бескостный непринужденно приветствовал каждого, и никому в голову не приходило его провоцировать. Он останавливал лошадь и беседовал с теми, кого встречал на пути; дружелюбно расспрашивал человека о ближних и дальних родственниках, поскольку лично был знаком со всеми обитателями лагеря. После встречи с ним у каждого на лице играла теплая улыбка. Даже спешившись, он превосходил по

росту большинство мужчин, а внешне был гораздо приятнее обоим королям саксов.

Теперь, встретившись с ним взглядом, я ощутил приятное волнение в груди, но после некоторого замешательства спросил у коронованного спутника остробородого Эллы, кто он такой.

– Король Осберт, – ответил мужчина. Его мелкие заплывшие глазки, выглядывавшие из лоснящихся жирных щек, внимательно изучали рыжеволосого ярла-дана.

– Он говорит, что он король Осберт, – перевел я.

– Неужто в Нортумбрии два короля? – удивился Ивар Бескостный.

Я переадресовал вопрос саксам.

– Король – я, – ответил Элла, приложив руку к груди. – Осберт – лишь мой олдермен.

– Ты захватчик трона без права наследования, – презрительно усмехнулся Осберт, обратившись к Элле.

Элла почесал бородку и объяснил, что прежде королем был Осберт, но витенагемот – народный совет, представлявший интересы тэнов и олдерменов Нортумбрии, – отправил его в отставку, и что сам он тогда же получил большинство голосов, а с ним королевскую власть.

– То есть Нортумбрией правит избранный король? – спросил Сигурд Змееглазый в миг прояснения сознания.

Сигурд Змееглазый, как и его старший брат, гарцевал перед воинами после знаменательной битвы. Он напоминал мне павлина – красивую, красочную, но совершенно бесполезную птицу, что бродит по обширным садам эмира Кордовы и издает неприятные звуки, похожие на человеческие вопли. Даже Бьёрн Железнобокий выходил приветствовать прибывших воинов, но при этом выглядел так, словно выполнял убийственно скучную обязанность.

– Они во многом похожи на нас, – зарычал Бьёрн Железнобокий. – Поэтому я и просил вас не нападать на них.

– Глупо избирать королем слабого человека, – высказался Сигурд Змееглазый и почесал черную бороду.

– Это придает больше веса мнению тэнов и олдерменов, – пояснил Железнобокий. – Так они получают возможность контролировать короля, чтобы он не становился слишком властолюбивым.

Сигурду Змееглазому пришлось признать, что, возможно, этот обычай не такой уж и глупый, хотя ему по-прежнему казалось странным не допускать на престол сильного короля. Хастейна поблизости не оказалось, а потому Бьёрну Железнобокому самому пришлось разъяснять младшему брату политические реалии Нортумбрии. Это стало настоящей проверкой его терпения на прочность.

– Правитель тот, что повыше, с острой бородкой, – громыхал он. – Толстяк-коротышка пытается вернуть себе трон. Сейчас они стоят бок о бок лишь потому, что столкнулись с общим врагом. А вообще-то в Нортумбрии идет гражданская война. Нам еще зимой рассказывал об этом король Эдмунд.

– Еще один король? Это и вовсе непрактично.

– Ты не помнишь Эдмунда, короля Восточной Англии? Ты с ним лично встречался, братец. В течение двух месяцев мы жили при его дворе в Тетфорде.

Сигурд Змееглазый, кажется, припоминал кое-что о жалком слабаке, занимавшем трон, но, судя по всему, это было давно, а в последнее время они вроде никуда не плавали.

– Английские королевства находятся на одном куске суши, – устало разъяснил Бьёрн. – Они не разделены морями и проливами, в отличие от нашего отечества. Давай предоставим Ивару спокойно провести переговоры с саксами.

Сигурд Змееглазый заметил раздражение брата, ему тоже стало досадно.

– Тут слишком много всяких королей, и мне не нравится взгляд этого толстяка-коротышки. Сейчас я укорочу его еще на голову. – Он хотел выхватить меч, но обнаружил, что ножны пусты. – Кто-то стащил у меня меч!

– Ты сам оставил его в лагере, когда мы собирались идти на переговоры.

Лицо с белесым шрамом на лбу поморщилось:

– Тогда мне придется голыми руками избить его до полусмерти.

Бьёрн Железнобокий и Хальфдан Витсерк, одновременно осознав, к чему все идет, скрутили Сигурда Змееглазого под руки и удержали рядом с собой.

– Как саксы правят своей землей, – сказал Хальфдан Витсерк, – совершенно не важно, ведь скоро они будут уничтожены.

Тогда я впервые услышал младшего сына Лодброка. Его хриплый голос дрожал, словно он с трудом сдерживал некий порыв, краткая судорога охватила его гладковыбритое лицо. Он был всего тремя годами старше меня, однако когда шел по лагерю, даже самые почтенные воины уступали ему дорогу. Правда, я не видел в их глазах ни теплоты, ни почтения, когда они оборачивались вслед педантичной фигуре. Их взгляды выражали лишь страх.

– Будет непросто искоренить народ, гораздо более многочисленный, чем наш, – сухо возразил ему Бьёрн Железнобокий.

– Может, ты считаешь, что нам не следовало сюда приходить? – спросил Хальфдан седобородого старшего брата. – Неужели ты не согласен, что этот поступок был единственной достойной реакцией на весть о смерти отца?

Как я вскоре узнал, Хальфдан Витсерк был вспыльчивым, раздражительным и непомерно честолюбивым.

– Возможно, – спокойно ответил Бьёрн. – Но не обязательно самой разумной.

– Ты не одобряешь руководство Ивара?

– Мне бы такое и в голову не пришло.

– Эй, вы двое, заткнитесь наконец!

Сигурд Змееглазый взял на себя роль голоса разума. Не понимая, о чем спорили братья, он считал неприемлемым демонстрировать предводителям саксов внутренние разногласия. Тем временем Осберт и Элла воспользовались паузой и вовсю препирались друг с другом, а разногласий между ними были ничуть не меньше, чем между сыновьями Лодброка.

– Не надо было тебе сюда приходить, – шепнул король Элла своему сопернику. – Ты подрываешь авторитет королевской власти.

– О каком авторитете может идти речь? – прошипел в ответ Осберт. – Я имею полное право находиться здесь. Без моей поддержки тебе ни за что не удалось бы собрать тысячную армию.

– И на что мне сдалась твоя поддержка? – Элла кивнул в направлении викингов, стоявших на валу. – Ты не ожидал уловки от варваров. Они могли разбить нас в считанные мгновения.

– Да уж, они гораздо хитрее нас. – Осберт скрестил на груди короткие руки и снова злобно уставился на Ивара Бескостного. – И их предводитель лицемерен сверх меры.

Элла перевел взгляд темных глаз с соперника на меня.

– Парень, ты сакс?

Помедлив, я кивнул, впечатленный обращением ко мне самого короля.

– Но не крещеный? – Он посмотрел на кусочек тростника, висевший на кожаном шнурке у меня на шее. – Символом какой религии является эта трубочка?

Ивар Бескостный следил за нами ледяным взглядом. Я осознал, что рыжебородый ярл понимал наш диалог. Мне следовало тщательно подбирать слова.

– Я крещеный, – отвечал я. – Меня взял в плен Бьёрн Железнобокий, когда его люди напали на мое село. Теперь я его пленник и живу в клетке.

– Бедняга, – пожалел меня Элла, тем самым вызвав у меня немалое удивление. Королей нечасто интересует судьба бедных крестьян.

– Не осмеливаешься разговаривать с северянами, так давай подлизываться к их переводчику? – воскликнул Осберт со снисходительной улыбкой.

Желваки, заигравшие на лице короля Эллы, свидетельствовали о напряженных взаимоотношениях между двумя мужчинами. Похоже, формально Элла являлся королем, но его положение было шатким.

– Расскажи королю и его олдермену – не важно, кто есть кто, – в конце концов обратился ко мне Ивар Бескостный, – что мы с нашей армией провели зиму в Восточной Англии, где король Эдмунд дал нам прекрасных лошадей, чтобы мы продолжили путь, и многое рассказал о междоусобной войне, развернувшейся здесь, в Нортумбрии.

Саксы внимательно выслушали мой перевод.

– Жалкий червь Эдмунд врет, – отвечал король Элла. – Я уверяю вас, что мы с моим олдерменом надежно охраняем нашу страну от любых внешних угроз.

Ивар Бескостный улыбнулся – уж он-то знал лучше. Осберт явно остался при своем и лишь крепче сжал кулаки. Тем не менее он молча согласился.

– Я Ивар, сын Рагнара, – продолжал рыжебородый ярл. – Это мои братья – Хальфдан, Сигурд и Бьёрн. Мы пришли не для того, чтобы развязать конфликт, а чтобы забрать нашего отца.

– Сдается мне, – отвечал король Элла, а я послушно переводил, – что для столь несложной миссии вас многовато.

– Вы, саксы, захватили нашего отца в заложники, – вновь заговорил Ивар Бескостный. – Мы не ждали от вас ничего хорошего, а потому не могли явиться сюда без свиты. В общем, не принимайте на свой счет, но на всякий случай мы

решили взять с собой сопровождение.

Пока я докладывал о добрых намерениях сыновей Лодброка, Хальфдан Витсерк злобно улыбался, опровергая слова старшего брата.

– Осенью во время шторма два корабля Рагнара Лодброка потерпели крушение у восточного побережья, – сказал олдермен Осберт. – Тогда я еще был законным правителем королевства. Я задержал Рагнара и его людей за морской разбой. В их трюмах были найдены товары со многих торговых кораблей. К тому же они похвалялись тем, как все лето грабили суда в устье Темзы, как это было просто и сколько моряков-саксов они истребили.

Переводя рассказ Осберта, я начал лучше понимать события, в результате которых викинги оказались в этой местности и которые круто изменили мою собственную судьбу.

– Вполне возможно, – ответил Ивар Бескостный, – что отец, нуждаясь в открытом море, чуток потрепал суда, встретившиеся ему на пути. Но нам представляется странным тот факт, что вы позволили отчалить его команде и захватили в заложники старого беззащитного человека.

Мой перевод этой речи вызвал румянец на глянцевом лице Осберта. Дряблая кожа под подбородком олдермена дрожала, когда он говорил.

– Его команда была многочисленна и мятежна. Они сбежали, захватили корабль и скрылись на юге.

– Мы в курсе, – заметил Ивар. – Как раз от них мы и услышали эту историю.

– Значит, вам известно и то, – перебил его король Элла, – что дружина Рагнара Лодброка без колебаний бросила своего предводителя в беде? Осберт решил, что пленника лучше перевести в Эофорвик. Там я за ним хорошо присматривал.

– Хорошо присматривал? – Осберт улыбнулся, умело скрыв злорадство. – Да ведь этот человек умер под твоей опекой. Ну и прекрасно. Старый черт уничтожил бы Нортумбрию, чтобы отомстить за свои унижения.

Король Элла не обращал внимания на спутника и продолжал говорить:

– Несмотря на свой солидный возраст, Рагнар Лодброк доставлял немало хлопот, будучи пленником. Он пил за четверых, а когда напивался, нельзя было позволять ему свободно разгуливать, ведь это могло стоить кому-то жизни. После краткого заключения в одной из камер на территории епископства он умер.

Хальфдан Витсерк вскочил и отчаянно закричал, что король – подлый негодяй, и я не посмел перевести это. Затем Хальфдан спросил, принято ли у саксов, чтобы христианские священники заботились о пленниках.

– Король саксов редко бывает больше пары недель на одном месте, – отвечал король Элла, – он постоянно ездит по своим владениям и навещает олдерменов и тэнов. Поэтому королевский зал в Эофорвике не такой уж большой, а единственная темница находится в епископстве.

Пока я переводил это разъяснение, король саксов склонился над телом и осторожно отодвинул белый саван с головы. Под тканью оказался старик с восковой кожей и желтоватой бородой. Он вперил полуприкрытые глаза в навес из паруса. Его рот застыл в немом крике.

Гладко выбритое лицо Хальфдана Витсерка исказилось судорогами. Младший сын Лодброка был словно одержим нервической, лихорадочной энергией, его тело напряглось, как тетива лука, и пылало молчаливой готовностью проявить агрессию.

– Не стоит уверять нас, что ты не повинен в смерти Рагнара Лодброка, – закричал он и указал на измученное лицо трупа. – Я прекрасно знаю, о чем говорит это выражение лица. Нашего отца подвергали пыткам.

Я перевел его гневное высказывание, и король Элла ответил с хладнокровием, достойным восхищения:

– От людей, бежавших сюда из Восточной Англии, мне известно твое пристрастие к пыткам, Хальфдан, сын Рагнара. Я знаю, что ты большой любитель этого дела. И все же ты заблуждаешься. Если внимательно исследуешь тело, не обнаружишь на нем ни единой раны.

Не успел король завершить свою речь, как Хальфдан резким движением сдернул с трупа погребальный саван и принялся осматривать тело своего отца. Гладкое лицо викинга то и дело искажалось нервным вздрагиванием, словно бушующий океан волнами. Когда он приподнял тело отца, чтобы осмотреть спину, я заметил, что труп полностью окоченел.

Щепетильность Хальфдана скоро показалась чрезмерной остальным братьям. А вот мне был хорошо знаком отек на шее мертвого. Опухший язык занимал почти всю ротовую полость. Одно бедро неестественно раздулось. Кожа на лодыжке и предплечье вздулась пузырями. Однако на теле не нашлось ни единой раны, нанесенной ножом или мечом, и, к досаде Хальфдана, – никаких следов пыток.

– Я предлагаю вам, – нарушил король Элла тягостную тишину, – похоронить отца по своему обычаю, а после снова встретиться.

– Для столь великого властителя, каким был Рагнар Лодброк, – ответил Ивар, – период траура длится десять дней, но на такой долгий срок нам не хватит запасов крепкого пива.

– Давайте устроим перемирие на десять дней. А пиво я с удовольствием предоставляю вам в знак моего доброжелательства.

Переглянувшись, братья кивнули, приняв жест короля Эллы.

– Затем, – продолжал сакс, – вы расскажете нам о своих планах в Нортумбрии. И позвольте мне ради справедливости напомнить вам, что при необходимости мы вмиг соберем еще более многочисленное войско.

– А как вы сами думаете, в течение какого времени армия крестьян способна противостоять трем тысячам выносливых солдат? – сухо поинтересовался Бьёрн Железнобокий.

Король Элла с неуверенностью взглянул на собравшихся на валу северян, но олдермена Осберта не удалось взять голыми руками. Низенький толстенький экс-король объяснил преимущества, которыми обладали местные жители перед, казалось, непобедимыми силами скандинавов. Я бегло переводил его слова, а самоуверенность сыновей Лодброка улетучивалась по ходу рассказа.

– Наша армия действительно состоит из крестьян, но они прекрасно знают местность и умеют извлекать из нее выгоды. Каждый защищает собственный дом и семью, и они будут бороться гораздо дольше и ожесточеннее, чем ваши неорганизованные разбойники. Ваши пути снабжения тянутся издалека, из-за океана, и вы не можете рассчитывать на подкрепление.

– Что ты возомнил о себе, толстяк? – взревел Хальфдан Витсерк. – Лучше радуйся, что мы повстречались с тобой под ольховой веткой, и что я человек чести, не то прирезал бы тебя за такие слова.

– Я не оскорбляю ничьей чести, когда говорю о том, о чем мы все и так прекрасно знаем.

Осберт повернулся к нам спиной, вышел из-под паруса и отправился обратно, к армии саксов, под двумя знаменами ожидающей исхода переговоров.

– Десять дней, – повторил король Элла, после чего последовал за своим олдерменом и конкурентом.

По реакции сыновей Лодброка я понял, что Осберт сказал правду. Причина их кажущихся странными решений заключалась в том, что даже одно сражение будет стоить им множества убитых и раненых, а если саксы смогут за короткий период собрать еще одну армию, потери северян окажутся невосполнимыми.

Ивар Бескостный задумчиво смотрел вслед толстому коротышке, которому и в голову не могло прийти, что за ним пристально наблюдают. Хальфдан Витсерк злобно уставился на тело отца, словно обвинял мертвеца в неожиданном развитии событий. Сигурд Змееглазый отвернулся, чтобы осмыслить слова Осберта. А Бьёрн Железнобокий продолжал стоять, невозмутимо заткнув оба больших пальца за пряжку ремня.

– Все-таки не вышло, – констатировал он. – Тогда я поведу своих людей обратно, к кораблям, ожидающим нас у Гримсби. Мы отплывем как можно быстрее.

– Предаешь нас, бесчестный ублюдок?

Хальфдан, скрежеща зубами, искал, на кого выплеснуть переполнившее его разочарование. Когда он, не скрывая грозного настроения, преградил путь седобородому брату, стало понятно, что объект он выбрал неудачный.

– Я бы не стал называть это предательством, – пробурчал Бьёрн, сделав вид, что не заметил оскорбления. – Разве я не явился, когда вы бросили клич? Разве я не привел с собой людей и корабли?

– Ну да, милый братец, ты пришел, – отвечал Ивар Бескостный, – потому что рассчитывал поживиться здесь серебром.

Седобородый великан пожал плечами.

– Все мы устремляемся туда, где добыча обещает быть большой и легко доступной. Однако Нортумбрия бедновата, по сравнению с королевством франков, да и саксы отважно обороняются. Южнее нас ждет Испания, где, по слухам, столько богатств, сколько ни одному из нас во сне не снилось. Присоединяйтесь к моему походу и убедитесь сами.

Это было формальное предложение. Ни манера речи Бьёрна, ни его поведение не свидетельствовали о том, что он жаждал компании своих братьев в предстоящем походе.

– Бьёрн, если ты уйдешь, – сказал Ивар Бескостный, – мы потеряем четыре сотни человек. И многие другие уйдут, поняв, что отец не был убит.

– А почему так важно, был Рагнар Лодброк убит или умер естественной смертью? – полюбопытствовал я.

Все четверо братьев замолчали и посмотрели на меня.

– Кем, ты говоришь, был этот мальчик? – спросил Ивар Бескостный.

Бьёрн Железнобокий набрал в легкие побольше воздуха, прежде чем ответить.

– Никакой я не мальчик, – вклинился я в их беседу. – Мне целых пятнадцать лет, и я уже успел убить человека.

Это было не совсем правдой, но и не чистым враньем. За полтора месяца до этих событий я еле-еле сумел прикончить одного человека без посторонней помощи. И, несмотря на то что тогда без сожаления смотрел, как из неровной раны на шее трупа течет кровь, окрашивая снег вокруг, сейчас, думая об этом, я испытывал приступ тошноты. Однако скандинавы иначе, чем христиане, воспринимали насилие, видя в нем инструмент влияния, а мне хотелось добиться их уважения. Правда, это оказалось не так просто.

– Человека? – Судорожные движения мышц на лице Хальфдана Витсерка оформились в презрительную усмешку, когда он приблизил ко мне свое гладко выбритое лицо. – И тебе пятнадцать лет, говоришь? Есть к чему стремиться, дохляк. Я в твоём возрасте отправил в Вальгаллу уже два десятка воинов.

У меня возникло ощущение, что вызвать злость и недовольство младшего из сыновей Лодброка может один-единственный опрометчивый комментарий.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Скандинавское название Константинополя.

2

Денежная компенсация за убийство свободного человека, выплачиваемая родственникам убитого.

3

По-датски Витсерк, дословный перевод – белая рубаха.

4

Мохнатые штаны (др. – сканд.) традиционно переводится как «кожаные штаны».

Купить: https://tellnovel.com/hol-m_lasse/mest-synovey-vikinga

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)